

КРАСНОЕ СОЛНЫШКО.

ПЕРВАЯ КНИГА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

СОСТАВИЛИ

И. Горбуновъ-Посадовъ и Я. Егоровъ.

Изданіе 1907 года.

Со многими рисунками.

Акварельные рисунки на обложкѣ рисовала Е. М. Бемъ.

Рис. К. Ерем.

Дѣти и книжка.

Дѣти дружно собралися
Вкругъ читающей сестренки,
Смотрягь пристально на книжку
Ихъ веселые глазенки.

Всѣ они хотять учиться,
Чтобъ читать начать скорѣе;
Отъ хорошихъ книжекъ дѣти
Станутъ лучше и умѣе.

Въ школу.

Въ свѣжемъ воздухѣ сверкаетъ первый чистенькій снѣжокъ, и румянить людямъ щеки легкой зимней холодокъ. Солнце на небо восходить... Встаньте, дѣти! полно спать! Время въ школу! По морозу славно будетъ пробѣжать.

Какъ Вася поступилъ въ школу.

Васѣ было восемь лѣтъ. Онъ не умѣлъ ни читать, ни писать. Сталъ Вася проситься въ школу. Отецъ отвелъ его въ школу. Школа стояла на краю села. Около школы былъ садикъ. Вася съ отцомъ поднялся на крылечко и вошелъ въ сѣни, а изъ сѣней въ большую свѣтлую комнату. Все въ комнатѣ показалось Васѣ очень хорошо. Никогда онъ не видалъ такихъ большихъ оконъ, не видалъ такихъ скамеекъ со столами, на которыхъ сидѣли ученики. Передъ учениками сидѣлъ за маленькимъ столикомъ учитель, а около него стояла большая черная доска. На доскѣ Коля Сидоровъ писалъ чѣмъ-то бѣлымъ. Вася узналъ потомъ, что это былъ мѣлъ. Другіе ученики сидѣли на скамьяхъ и писали, кто въ тетрадяхъ, кто на грифельныхъ доскахъ, а кто читалъ книги.

Вася ухватился за полу отца; ему стало страшно: все здѣсь было чужое, незнакомое; даже мальчики свои деревенскіе казались чужими.

Учитель увидалъ Васю, подошелъ къ нему, разспросилъ, какъ зовутъ, чей онъ, записалъ новичка въ книгу и посадилъ на скамейку.

Отецъ ушелъ. А Вася сталъ осматриваться. Онъ разглядѣлъ картины на стѣнахъ, шкапъ съ книгами, большіе счеты и еще много разныхъ вещей. Онъ только послѣ узналъ, какъ ихъ зовутъ и для чего онѣ нужны.

Съ того дня Вася началъ учиться, выучился читать, научился писать да считать. И сталъ нашъ Вася грамотей.

Разскажите, какъ у васъ въ школѣ.

Худо тому, кто добра не дѣлаетъ никому.

«Гришенька, одолжи мнѣ на минутку карандашъ». А Гриша въ отвѣтъ: «Неси свой,—мой мнѣ самому нуженъ».

«Гриша, помоги мнѣ уложить книги въ сумку». А Гриша въ отвѣтъ: «Книги твои,—самъ ихъ и укладывай».

Любили ли Гришу товарищи?

Съ міру по ниткѣ—голому рубашка.

Поступилъ Гриша въ школу. Не было у Гриши отца и матери, жилъ онъ у чужихъ людей. Некому было Гришѣ купить книжку, тетрадку, доску, и ничего-ничего не было у Гриши, что было у его товарищей. Плакалъ Гриша, когда не зналъ урока или не написалъ заданной письменной работы, такъ какъ не было у него ни книжки, ни бумаги; тяжело ему было, что онъ началъ отставать отъ товарищей.

Товарищи любили Гришу, а больше всѣхъ любилъ Гришу Степа. Разъ Степа сказалъ товарищамъ въ школѣ:

— Ну-ка, ребятки, сложимся по грошику да купимъ Гришухѣ книжку: онъ сирота, ему некому купить.

Степа съ шапкой обошелъ товарищей, и трешнички и семишнички посыпались въ шапку Степѣ. Набрали полтину денегъ и купили Гришѣ книжку, доску, бумаги, перьевъ, и сталъ Гриша полнымъ школяромъ, хорошимъ ученикомъ.

Въ семьѣ.

Научился Ваня читать, сталъ изъ школы домой книжки носить. Вечеромъ садеть у стола къ свѣту и читаетъ вслухъ, а родные работаютъ, что надо, и слушаютъ, что читаетъ Ваня. Кончить

Ваня книжку читать, садутъ всё за ужинъ. А тамъ и спать улягутся: за день-то наработались всё, пора и отдохнуть.

Кто у васъ въ семьѣ грамотный и кто неграмотный?

Дома.

Кончились уроки въ школѣ, учитель попрощался съ нами, посмотрѣлъ, какъ мы одѣваемся, и пошелъ въ свою комнату, а мы кинулись, толкаясь и смѣясь, на улицу. На дворѣ было свѣжо, снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами, а солнышко ярко свѣтило. Мы побѣжали по домамъ. По дорогѣ все играли въ снѣжки.

Добѣжалъ я до нашей избы, взглянулъ въ окошко, вижу—мать сидитъ за станомъ, ткеть, сестра шьетъ что-то, а братъ Ванюшка зыбку качаетъ. Стукнулъ я въ окошко: «иду, молъ, здравствуйте», и побѣжалъ въ сѣни.

Сѣни у насъ большія. Въ нихъ стоитъ сундукъ и ларь большой

для муки и для крупъ, виситъ сбруя и ведра. Полъ въ сѣняхъ земляной, оконъ нѣтъ; если дверь заперта, такъ совсѣмъ темно въ нихъ.

Вошелъ я въ избу, за мной холодъ ворвался бѣлыми клубами.

— Закрывай скорѣй дверь,—говоритъ мать,—всю избу выстудишь. Гдѣ это ты въ снѣгу-то такъ вывалился, баловникъ? Ъсть, поди, хочешь? Раздѣвайся да садись скорѣй. Аннушка, налей ему щецъ.

Я раздѣлся и повѣсилъ около наръ, гдѣ висѣли отцовскій армякъ и материнъ полушубокъ, свой полушубокъ и шапку, отряхнулъ валенки, положилъ ихъ посушить на печь, а самъ усѣлся на лавку у стола и ждалъ щей. Сестра дала мнѣ щей и большой ломоть хлѣба. Я ѣлъ и думалъ:

«Какъ у насъ хорошо! Полѣ, лавки, столѣ чистые, самоваръ вычищенъ, посуда на полкѣ стоитъ перемытая, печку мать недавно известкой выбѣлила. Правда, тѣсно у насъ,—особенно, какъ мать станъ внесла, чтобы холста наткать,—да все же хорошо. Главное, дружны всѣ, въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ живемъ».

Такъ ли у васъ въ избѣ? Что есть у васъ въ избѣ? Какая бываетъ посуда? Какая бываетъ одежда? Какое бываетъ бѣлье?

Братъ и сестра.

Сорвемъ въ саду по цвѣтку,
Совьемъ себѣ по вѣнку,
Понесемъ вѣнки къ батюшкѣ,
Ко родимой матушкѣ.
Сударь ты мой батюшка,

Сударыня ты моя матушка,
Который вѣнокъ алѣе?
Который изъ насъ милѣе?
Дитя мое милое!
Всѣ вѣнки алые,

Всѣ дѣти милыя.

Моя семья.

У насъ семья небольшая. Есть у меня дѣдъ, отецъ, мать, братъ и сестра; я самый меньшей. Дѣдушка уже старъ, но все еще въ работѣ помогаетъ отцу; онъ больше за дворомъ смотритъ: то дверь въ сараѣ поправить, то крышу на избѣ починить, корзины плететь, лапти.

Отецъ же мой много трудится: онъ и дома постоянно работаетъ, и на полѣ, и на огородѣ землю пашетъ, хлѣбъ убираетъ, зимой въ городъ кладъ возить. Отцу помогаетъ старшій братъ. Братъ же скотину кормитъ и за ней убираетъ.

Мать больше въ избѣ хозяйничаетъ: обѣдъ готовить, бѣлье мочь и шить, нитки прядеть, ткать, коровъ доить и поить, за курами, поросятами и овцами смотреть; а лѣтомъ такъ она цѣлый

день еще работает то въ огородѣ, то на полѣ. Она говоритъ, что теперь ей еще полегче стало, какъ дѣти подросли, помощниками стали. А то, бывало, цѣлый день по хозяйству да съ дѣтьми возится, да и ночь не уснетъ хорошенько—ребенокъ плачетъ, просыпается.

Матери во всемъ помогаетъ сестра. Я же учусь зимою въ школѣ, а лѣтомъ скоть пасу.

Была у насъ еще бабушка, да прошлую зиму она померла. Старая она очень была и больная, а все что-нибудь дѣлаетъ. Мать, бывало, ей скажетъ: «Ты бы, матушка, отдохнула», а она нѣтъ—все за работой. А до насъ, ребятъ, какая она была ласковая!

Какая у васъ семья?

Старый дѣдъ и внучекъ.

Дѣдъ былъ очень старъ: ноги у него не ходили, глаза не видѣли, уши не слышали, зубовъ не было, и когда онъ ѣлъ, у него текло назадъ изо рта. Сынъ и невѣстка перестали его за столъ сажать, а давали ему обѣдать за печкой. Снесли ему разъ обѣдать въ чашкѣ. Онъ хотѣлъ ее подвинуть, да уронилъ и разбилъ.

Невѣстка стала бранить старика за то, что онъ имъ все въ домѣ портить и чашки бьетъ, и сказала, что теперь она ему будетъ давать обѣдать въ лоханкѣ. Старикъ только вздохнулъ и ничего не сказалъ.

Сидятъ разъ мужикъ съ женою и смотрятъ: сынишка ихъ на полу щепочками играетъ, что-то слаживаешь.

— Что это ты дѣлаешь, Миша?—спрашиваетъ отецъ.

А Миша и говоритъ:

— Это я, батюшка, лоханку дѣлаю; когда вы съ матушкой старые будете, васъ изъ этой лоханки кормить стану.

Мужикъ съ женою поглядѣли другъ на друга, и стало имъ стыдно за то, что они такъ обижали старика. И стали они съ тѣхъ поръ сажать дѣда за столъ и ухаживать за нимъ.

Трусъ.

Замѣсила мать Вани тѣсто въ квашнѣ и поставила на печь киснуть, а сама ушла къ сосѣдкѣ.

Въ сумеркахъ пришелъ Ваня домой, окликнулъ — никого въ избѣ нѣтъ. Только хотѣлъ онъ огонька вздуть, какъ слышитъ: кто-то на печи пыхтитъ. «Видно, домовой!» подумалъ Ваня; затрясся отъ страху, выпустилъ изъ рукъ лучину — да бѣжать. Вплотьмахъ наступилъ Ваня на кочергу, а она его по лбу. «Ай-ай, батюшки, помогите, помогите!» завопилъ Ваня и хотѣлъ было вонъ изъ избы. На ту бѣду разулся у него лапоть, и Ваня прихлопнулъ дверью оборку отъ лаптя, растянулся въ сѣняхъ и вопить благимъ матомъ: «Ай, батюшки! ай, сосѣдушки! помогите! отымите! — держите меня домовой!»

Прибѣжали сосѣди, подняли Ваню ни жива, ни мертва; а какъ узнали въ чемъ дѣло, то стали надъ нимъ смѣяться.

Бываетъ ли домовой?

Маленькая Катя.

У семилѣтней Кати и мать, и отецъ, и братья постоянно были въ работѣ; уѣдутъ всѣ со двора, Катя одна должна смотрѣть за домомъ да беречь своего годовалаго братишку Колю. Вотъ она и придумываетъ, какъ бы занять его. Она возьметъ его ручки, хлопасть ими и поетъ: «Ладушки, ладушки! гдѣ были? у бабушки!» А какъ скажетъ: «Шу, полетѣли!» — и подыметъ ручки Коли ему на головку.

Или представляетъ она, какъ сорока варила кашу, пересчитываетъ пальчики у малютки: «Этому дала, этому дала... а маленькому не досталось, — маленькій побѣжалъ къ мамѣ, мама его накормила».

Потомъ Катя сдѣлала мячикъ, обмотала его красною шерстью и повѣсила на ниточкѣ у люльки. Вотъ мячикъ закачался: «Тили-бомъ, тили-бомъ взадъ, впередъ... тили-бомъ! звонъ идетъ на весь домъ». Коля такъ и подпрыгиваетъ, такъ и силится ухватить за мячикъ.

Катя закрутила нитку, чтобы мячикъ самъ крутился, какъ нитка будетъ раскручиваться. Вотъ замелькалъ онъ, замелькалъ: виденъ только красный кружокъ. Дѣвочка запѣла: «Вѣю, вѣю, вѣю, вѣю! Ты крутись, веретено! Ты скорѣй, живѣй ходи, бѣлыхъ нитокъ наприди. Я изъ нитокъ полотно бѣлотонкое сотку. Вѣю, вѣю, вѣю, вѣю! Колѣ, милому дружку, я рубашечку сошью».

Такъ Катя придумывала все новыя игры, и ей самой было не скучно, а играла она искусно потому, что очень любила Колю.

Сиротка Ваня.

Сиротой остался Ваня, сиротою круглымъ. Некому сиротиночку поить-кормить; некому сиротиночку обуть-одѣть. У сиротки головка нечесаная, у сиротки рубашка невымытая. Кто его, бѣднаго, приголубить? Кто его на ночь поцѣлуетъ, въ теплую постельку уложить? Кто его, малаго, отъ худа укроетъ, уму-разуму научить?

Подкидышъ.

У бѣдной женщины была дочь Маша. Маша утромъ пошла за водой и увидала, что у дверей лежитъ что-то, завернутое въ тряпки. Маша поставила ведра и развернула тряпки. Когда она тронула тряпки, изъ нихъ закричало что-то: «Уа! уа! уа!»

Маша нагнулась и увидала, что это былъ маленькій красный ребенокъ. Онъ громко кричалъ: «Уа! уа!»

Маша взяла его въ руки, понесла его въ домъ и стала съ ложки поить молокомъ. Мать сказала:

— Что ты принесла?

Маша сказала:

— Ребеночка; я нашла его у нашей двери.

Мать сказала:

— Мы и такъ бѣдны, гдѣ намъ кормить еще ребенка; я пойду къ начальнику и скажу, чтобъ его взяли.

Маша заплакала и сказала:

— Матушка, онъ немного будетъ ѣсть, оставь его. Посмотри, какіе у него красненькіе сморщенные ручки и пальчики.

Мать посмотрѣла, ей стало жалко. Она оставила ребенка. Маша кормила и пеленала ребеночка и пѣла ему пѣсни, когда онъ ложился спать.

Десять маленьких работников.

Дѣла у меня много: надо всю семью напоить и накормить, всѣхъ обшить, все прибрать и коровъ подоить. Но у меня есть пять паръ маленькихъ работниковъ, которые мнѣ славно помогаютъ. Два первыхъ работника малы ростомъ, но зато толсты; неуклюжи, зато сильны. Два другіе—длинные и проворные: никакое дѣло безъ нихъ не обходится. Третья пара еще выше ростомъ. Когда одинъ изъ нихъ надѣваетъ на себя стальную шапочку, онъ ловко работаетъ иглою. Двѣ остальныхъ пары помогаютъ своимъ братьямъ въ общей работѣ. Десять моихъ работниковъ стряпаютъ, прядутъ, шьютъ, стираютъ, доятъ коровъ, пишутъ и всѣ другія работы исполняютъ. Я имъ только указываю, что сдѣлать надо.

Какіе это работники? Какъ называется каждый палецъ на рукѣ?

ЗАГАДКА: У двухъ матерей по пяти сыновей и всѣ въ одно имя.

Дѣти.

Умеръ у Катерины мужъ, и осталась она вдовой-горемыкой съ пятерыми дѣтьми. Старшему мальчику было только десять лѣтъ.

На Вербной недѣлѣ захворала Катерина, въ постель слегла. Лежитъ она, охаетъ, горюетъ: «Вотъ праздникъ приходитъ, а намъ и встрѣтить его нечѣмъ! Охъ, горе наше горькое!»

Старшій сынъ ласкается къ матери и говоритъ: «Не тужи, мама! я вырасту, въ люди пойду, денегъ заработаю, и всего у насъ будетъ много».

Шестилѣтняя дѣвочка припала головой къ щекѣ матери и говоритъ: «Не плачь, мама! я пойду въ избѣ подмету, лавки вымою и все въ домѣ приберу».

Перецѣловала мать дѣтей, легче ей стало, улыбнулась она.

Какъ тетушка рассказывала о томъ, какъ она выучилась шить.

Когда мнѣ было шесть лѣтъ, я просила мать дать мнѣ шить. Она сказала: «Ты еще мала, ты только пальцы наколешь», а я все приставала. Мать достала изъ сундука красный лоскутъ и дала мнѣ; потомъ вдѣла въ иголку красную нитку и показала мнѣ, какъ держать. Я стала шить, но не могла дѣлать ровныхъ стежковъ; одинъ стежокъ выходилъ большой, а другой попадалъ на самый

край и прорывался насквозь. Потомъ я уколола палецъ; хотѣла не заплакать, да мать спросила меня: «что ты?»—я не удержалась и заплакала. Тогда мать велѣла мнѣ итти играть.

Когда я легла спать, мнѣ все мерещились стежки: я все думала о томъ, какъ бы мнѣ скорѣе выучиться шить, и мнѣ это казалось такъ трудно, казалось, что я никогда не выучусь. А теперь я выросла большая и не помню, какъ выучилась шить; и когда я учу шить свою дѣвочку, удивляюсь, какъ она не можетъ держать иглоку.

Новая изба.

Задумалъ старикъ Прокль ставить новую избу. Старая изба стала тѣсна: у сыновей Прокла много ребятъ. Въ этомъ году урожай былъ хорошъ, и хлѣбъ по осени продали сходно. Когда выпалъ снѣгъ, запрягъ старикъ Гнѣдка въ дровни и поѣхалъ въ лѣсъ. Съ нимъ поѣхали два сына. Три дня рубили мужики высокія сосны и возили бревна домой. Весной вывели изъ бревень срубъ. Щели между бревнами законопатили паклей. Крышу настлали изъ соломы. Въ городѣ Прокль купилъ стекла для оконъ, гвозди, замки, и петли. Не пожалѣлъ Прокль труда, и вышла изба на славу.

Не легко было мужику построить себѣ избу, да и радъ же былъ онъ ей, своей избѣ!.. Хоть и не всегда тепло, но зато уютно дѣткамъ въ родной хатѣ. Зимой въ той же избѣ укроются отъ мороза и теленокъ и слабенькій ягненокъ. Дѣти играютъ съ ними. Около избы поставилъ Прокль дворъ и навѣсъ для скота, телѣги, саней, сохи и бороны.

Изъ чего еще строятъ дома?

Странничекъ.

На работу въ дальній путь	Что тутъ сѣлъ? Въ избу ступай-ка.
Шлепая странничекъ убогій.	
Притомился онъ съ дороги,	Не красна изба у насъ,
Сѣлъ у хаты отдохнуть.	Да тепленька, слава Богу,
Въ двери глянула хозяйка,	Обогрѣйся на дорогу,
Говорить: «Усталъ, родной?	Щецъ покушай въ добрый
Вишь ты, холодъ-то какой!	часъ».

Кошка и котята.

Была у насъ старая сѣрая кошка. Всѣ мы къ ней привыкли. Бывало, ляжешь спать, а она около тебя вертится, мурлычетъ,

спать въ ногахъ гнѣздится. Какъ была она котенкомъ, то мы съ ней играли. Ласковая была кошка.

Вотъ разъ проснулся я, слышу — пищить кто-то. Я мигомъ соскочилъ съ кровати, заглянулъ въ уголь за дверь, а тамъ котятки. Кошка ихъ лижетъ, молочкомъ кормить и мурлычетъ ласково. Я такъ былъ радъ, что нѣсколько дней не выходилъ на улицу: все глядѣлъ, какъ кошка съ котятами водится.

Пришла къ намъ тетка Матрена и говоритъ:

— Ай-ай, сколько котятъ! Куда вамъ? Вы лишнихъ-то забросьте.

Послушались мы тетку Матрену и забросили котятъ въ поле, въ бурьянъ, въ канаву.

Вечеромъ сестренка Маша и говоритъ мнѣ:

— Пойдемъ котятъ глядѣть! Что-то они тамъ дѣлаютъ?

Мы пошли. Пищатъ котята, а гдѣ, въ травѣ не видно. Сестра не утерпѣла, полѣзла въ канаву. Полѣзъ и я. Глядимъ: путаются котята въ сырой кропивѣ, слабенькіе, слѣпенькіе, всѣ мокрые, трясутся,

рты разѣваютъ, расползлись, въ землю носомъ тычутся...

Жалко намъ стало котятъ. Вспомнили мы кошку, какъ она по двору ходитъ, жалобно мяукаетъ, мѣста нигдѣ найти не можетъ. Подобрали мы котятъ въ подолы, да и домой скорѣе. Мы думали посадить ихъ подъ житницу и привести къ нимъ кошку.

Увидали мы на дворѣ кошку, показали ей, что несемъ — обрадовалась, вокругъ ногъ вертится, прочь не отходить. Глаза горятъ какъ у человѣка, точно сказать что хочетъ.

Въ это время изъ избы вышла мать.

— Зачѣмъ вы ихъ принесли?

А потомъ, какъ посмотрѣла на котятъ, какіе они слабенькіе, жалкіе, посмотрѣла на кошку и сказала:

— Ну, ладно! Несите ихъ въ избу.

Есть ли у васъ кошка и какал она?

Больная собака.

Совсѣмъ разболѣлась Лыска. Весь день она лежитъ на дворѣ скучная, дрожить, не ѣсть корму.

Дѣло было зимой. На дворѣ стоялъ морозъ. Оедя ухаживалъ, какъ могъ, за больной собакой: сдѣлалъ ей изъ соломы шалашъ, на полъ въ шалашѣ тоже настелилъ соломы, покрылъ Лыску рогожкой, самъ чего не съѣсть, а ей снести.

— Что намъ дѣлать съ Лыской? Придушить надо, либо завести куда. Который день лежитъ на дворѣ, не лаетъ, не сторожить... захворала, видно, такъ что въ ней проку? Только хлѣбъ даромъ ѣсть,—сказалъ женѣ Оединъ отецъ.

Оедя лежалъ въ это время на полатахъ и слышалъ, что говорилъ отецъ. Жаль было Оедѣ Лыски. Когда отецъ ушелъ, Оедя слѣзъ съ полатей, побѣжалъ на дворъ провѣдать Лыску. Лыска жалобно посмотрѣла на своего кормильца, завизжала, но не могла отъ слабости даже хвостомъ махать.

Когда въ избѣ никого не было, Оедя осторожно принесъ Лыску со двора въ подполье и уложилъ въ самое теплое мѣсто подъ печкой.

Въ теплѣ Лыскѣ стало лучше. На другой же день собака повеселѣла, и когда Оедя пришелъ ее навѣстить, замахала хвостомъ и стала ѣсть хлѣбъ. Обрадовался мальчикъ.

Прошло нѣсколько дней. Разъ поздно вечеромъ, во время ужина, когда на дворѣ выла метель, вдругъ подъ ногами ужиавшихъ, подъ поломъ, раздался громкій лай.

— Что это,—закричала въ испугѣ мать Оеди,—никакъ въ подпольѣ что-то залаяло?

Лай повторился. Усмѣхнулся Оедя, выбѣжалъ изъ-за стола и приподнялъ западню, черезъ которую ходятъ въ подполье. Съ радостнымъ визгомъ выскочила Лыска въ избу, бросилась къ Оедѣ и всѣмъ ласково лизала руки.

Собака и ребенокъ.

Жилъ хозяинъ съ молодой хозяйкой. Дѣтей у нихъ только и было, что одинъ—грудной еще. Пришелъ разъ съ работы хозяинъ, а жена ему говорить:

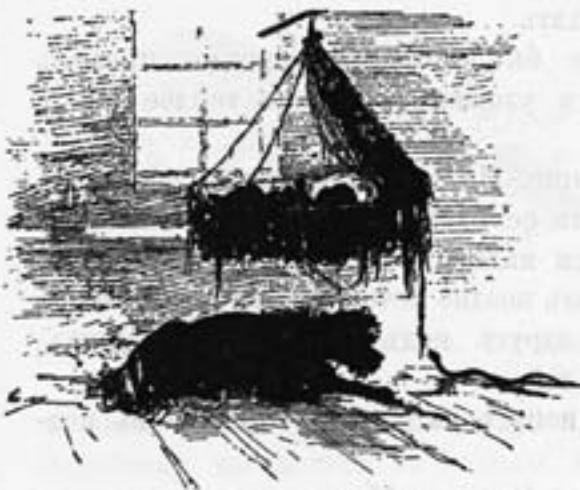
— Посиди маленько, я за водой схожу, а ты за дитей посмотри.

Ушла хозяйка, а вода не близко была. Посидѣлъ хозяинъ, да, видно, не родился онъ нянькой. Наскучило. «Дай,—думаетъ,—къ сосѣду схожу». Кликнулъ собаку:

— Полкашка, сюда! Лягъ здѣсь да, смотри, береги ребенка!

Собака завиляла хвостомъ. Умно такъ глядитъ на хозяина, все понимаетъ. Обошла вокругъ зыбки, обнюхала, легла, морду на лапы уложила и усталилась въ дверь. Хозяинъ ушелъ, дверь притворилъ, да не плотно: на дворѣ тепло было.

Лежить собака, чутко слушаетъ; вдругъ встрепенулась, уши насторожила и носомъ потянула. Что такое? На полу въ избѣ возлѣ двери стояла крынка съ молокомъ. Ползла мимо избы ядовитая змѣя. Почуяла молоко, вползла въ избу и крадется по стѣнкѣ, кольцами извивается. Заворчалъ Полкашка, зубы оскалилъ и ждетъ. Змѣя подползла къ зыбкѣ и стала по ней подниматься. Вскочилъ

Полкашка, бросился на нее, зубами за горло схватилъ и загрызъ ее. Да лапами зыбку такъ толкнулъ, что она перевернулась, и ребеночекъ вывалился на полъ и заплакалъ.

Обрадовался Полкашка, что покончилъ со змѣей, бросился къ ребенку и ну его лизать, будто утѣшить хочетъ. Ребеночекъ затихъ и задремалъ на полу, а Полкашка улегся рядомъ.

Воротился хозяинъ, отворилъ дверь. Кинулся на него Полкашка, обלאпилъ, залаялъ отъ радости. Глянулъ хозяинъ: опрокинута зыбка, ребеночекъ на полу безъ движенія лежитъ, у собаки морда въ крови, и на него кинулась съ лаемъ.

«Взбѣсилась и ребенка загрызла! — почудилось ему вдругъ. — То-то сегодня она понуря голову ходила».

Схватилъ онъ сгоряча ножъ со стола и всадилъ ей въ самое сердце. Изъ Полкашки духъ вонь! А ребеночекъ отъ шума проснулся и заплакалъ.

— Живъ! — закричалъ отецъ и бросился къ зыбкѣ.

Тутъ только разглядѣлъ онъ, что на полу валялась змѣя и кровью полъ перепачканъ. Понялъ онъ въ чемъ дѣло, къ Полкашкѣ бросился, да ужъ поздно.

Дворъ.

Наша изба окнами на улицу и на дворъ. Съ улицы подлѣ нея стоятъ тесовыя ворота. Черезъ ворота въѣдешь на дворъ. На дворѣ, подлѣ избы, подъ навѣсомъ хлѣвъ для лошади и коровы. Сбоку сарай, гдѣ у насъ спрятаны сани, телѣга, соха, борона и всякая упряжь. На дворѣ у насъ есть и колодець, надъ колодцемъ высоко поднялся очешъ для черпанья воды. Кругомъ нашъ дворъ обнесень плетнемъ. На дворѣ бѣгаютъ куры, рожются поросята.

Какая скотина стоитъ у васъ на дворѣ? Что стоитъ у васъ въ сараѣ? Какая виситъ сбруя?

Сани, телѣга и лошадь.

Сани говорятъ:—Мнѣ зимой тяжело.

Телѣга говоритъ:—Мнѣ лѣтомъ тяжело.

А лошадь говоритъ:—Мнѣ и зимой и лѣтомъ тяжело.

Что думаетъ деревенская лошадна.

Вотъ придетъ весна, растаетъ снѣгъ на поляхъ, и запрягутъ меня, лошадку, въ соху, чтобы пахать землю. А въ жаркое лѣтнее время скосятъ траву на лугахъ, и буду я таскать возы съ сѣномъ. Къ осени опять придется возить въ ригу снопы ржи и овса. А поѣдутъ мужички продавать и покупать всякое добро, такъ иногда цѣлый день плетешься по вязкой дорогѣ, подъ дождемъ,

подъ ненастнымъ вѣтромъ. Зимой стоишь по колѣна въ снѣгу гдѣ-нибудь въ лѣсу, на морозѣ, пока хозяинъ рубить лѣсъ, накладываетъ въ сани хворостъ. Такъ-то вся наша жизнь проходитъ въ работѣ!

Собака и кошка мясо ѣдятъ, кошка мышей, птичекъ ловитъ, собака кости грызетъ, а лошадь и корова ни за что мяса ѣсть не станутъ, щиплютъ они траву, ѣдятъ сѣно, солому.

Собака и кошка—хищныя животныя.

Лошадь и корова—травоядныя животныя.

Какихъ вы знаете еще хищныхъ и какихъ травоядныхъ животныхъ?

Лошадь и корова.

Лежить корова посреди двора; корму подлѣ нея нѣтъ никакого, а она все жуетъ что-то да жуетъ. «Что это она ѣсть?» спрашиваетъ Миша. «Жвачку», говоритъ мама. «Какую жвачку?». «А вотъ какую: лошади дадутъ овса или сѣна, зубовъ у нея полонъ ротъ, вотъ она сразу и прожевываетъ свой кормъ хорошо; пережуетъ и проглотитъ. А коровы свой кормъ по два раза жуютъ. Зубы у нихъ не такіе, какъ у лошади; верхнихъ зубовъ спереди и совсѣмъ нѣтъ. Увидитъ корова сѣно или траву—начинаетъ хватать. Кое-какъ пережуетъ, да скорѣе и глотаетъ. Если бы она хорошо ѣду сразу прожевывала, то ей страшно долго пришлось бы жевать, цѣлый день пришлось бы ходить да ѣсть. А корова нахватаетъ ѣды, наглотаетъ, а когда кормъ распарится, размякнетъ у нея въ брюхѣ, она, лежа спокойно, отрыгнетъ его опять назадъ въ ротъ и начинаетъ его во второй разъ жевать. Это и есть жвачка».

Корова жуетъ жвачку—она жвачное животное.

Не знаете ли вы еще какихъ-нибудь жвачныхъ животныхъ?

Буренушка.

Ужъ какъ я ль мою коровушку люблю!

Ужъ какъ я ль-то ей кропивушки нажну!

Кушай вволюшку, коровушка моя;

Вѣшь ты досыта, буренушка моя!

Ужъ какъ я ль мою коровушку люблю!

Сытна поила я коровушкѣ налью,

Чтобъ сыта была коровушка моя,

Чтобы сливочекъ буренушка дала.

«Тру-ту-ту!» трубить на волѣ пастушокъ,
 Собралися всѣ коровы на лужокъ.
 Стала тутъ моя коровушка мычать,
 Ужъ и ласкъ моихъ не хочетъ больше знать.
 Просить жалобно на выпашку пустить:
 Ей милѣй во чистомъ полюшкѣ бродить,
 Ёсть на солнышкѣ зеленую траву,
 Чѣмъ стоять-то въ темномъ, душномъ во хлѣву.

Наша корова.

1. Корова наша отелилась, бычка принесла. Пошелъ отецъ на дворъ, и Миша за нимъ. Стоитъ корова, наклонилась и облизываетъ языкомъ теленочка. Всего облизала. Силится теленокъ подняться на слабенькія ножки. Поднялъ его отецъ. Стоитъ теленочекъ, смотритъ на Мишу. Пришла мать, взяла теленка, унесла его въ избу. Бѣгаетъ корова, ищетъ своего теленка и сѣна ёсть не хочетъ. Заперли корову.

Вечеромъ мать взяла дойницу и пошла доить корову. Съела возлѣ коровы на скамейку, взялась за вымя, и, чиркъ-чиркъ, полилось молоко въ дойницу. Мать отнесла теплое молоко теленку и наполнила его.

Будутъ корову хорошо кормить, будетъ у нея много молока. И теленочка мать напоитъ, и Мишѣ хватить.

2. Много молока даетъ теперь Буренка. Много горшковъ наставила мать въ погребъ. Вотъ пошла она въ погребъ, наснимала со всѣхъ горшковъ сливки, вылила ихъ въ деревянную высокую кадушку и накрыла ее кружкомъ. А въ кружкѣ-то круглая дыра, въ эту дыру вставляется длинная палка съ рогатинами на концѣ. Это маслобойка. Взяла мать эту палку и ну бить сливки. Била, била, долго била. Подняла крышку, посмотрѣла—пѣна на сливкахъ сдѣлалась. Опять бьетъ мать. Била, била, тяжело стало бить. Стала смотрѣть,

заглянулъ въ маслобойку и Миша,—а тамъ, въ маслобойкѣ, уже масло сдѣлалось. Вынула мать масло, вымыла въ холодной водѣ, сдѣлала изъ него круглый комъ. Миша ѣлъ масло съ чернымъ хлѣбомъ.

Наши овцы.

Было у насъ 5 овецъ. Зиму онѣ зимовали въ закурѣ съ коровой, и мать кормила ихъ сѣномъ, что похуже, да соломою—все овцы ѣли хорошо. Шерсть на нихъ была длинная-предлинная, вся свалалась и выгязнилась.

Пришла весна. Трава зазеленѣла. Выгнали овецъ въ поле. Скоро у двухъ изъ нашихъ овецъ родилось по два крошечныхъ ягненочка.

Они въ первый же день, какъ родились, встали на ножки и стали бѣгать за матками. Захочетъ ягненокъ ѣсть, ткнетъ мать головой въ животъ и присосется жадно къ ея вымени, на переднія ножки опустится. А овца-то ихъ обнюхиваетъ, облизываетъ, далеко отбѣгать отъ себя не пускаетъ. Наѣдятся ягнята и начнутъ играть. Бѣгаютъ другъ за дружкой, бодаются, а у самихъ и рога-то еще не выросли.

Стало жарко. Тяжело стало и овцамъ въ ихъ длинной зимней шерсти. Выбрала мать день посвободиѣе, взяла съ собою старшую сестру и пошла въ поле, гдѣ овцы ходили въ стадѣ недалеко отъ пруда. Сестра поймала овцу, передала ее матери, а мать съ овцой на рукахъ вошла въ воду выше колѣна и давай тамъ овцу мыть. Шоркала, терла, пока шерсть на овцѣ не вымылась. Вымыла одну овцу, вынесла изъ воды, взялась мыть другую. Такъ всѣхъ овецъ она перемыла. Овцы боятся, вырываются, жалобно блеютъ, а какъ пустить мать вымытую овцу, такъ и кинется она къ стаду, трясется, отряхивается.

Вечеромъ, когда овцы пришли домой, мать начала ихъ стричь: свяжетъ овцѣ всѣ ноги, чтобы она не билась, и начнетъ остригать

ей длинную шерсть огромными ножницами. Всѣхъ овецъ остригла мать, кромѣ ягняткъ. Ягнятъ стригла она недѣли черезъ три, когда и на нихъ сдѣлалась шерсть длинная. Стало овцамъ легче безъ длинной шерсти. А мать вымыла шерсть, вычесала, напярала изъ нея цѣлый клубокъ шерсти и связала намъ чулки и варежки. А отецъ свалиалъ изъ овечьей шерсти мнѣ валенки.

Зимой я бѣгала въ валенкахъ, въ теплыхъ чулкахъ и въ варежкахъ изъ овечьей шерсти, въ полушубкѣ изъ овечьей шкуры, даже юбку мнѣ мать соткала теплую, пополамъ изъ бумажныхъ и шерстяныхъ нитокъ.

Говорила намъ учительница, что въ другихъ мѣстахъ овецъ еще доятъ, пьютъ ихъ молоко и дѣлаютъ изъ него сыръ, но мать ей не вѣрить, не хочетъ попробовать овецъ доить, а я вырасту—непремѣнно попробую.

Хохлатка.

Посадили на яйца курицу-хохлатку. Три недѣли просидѣла на яйцахъ хохлатка, грѣла ихъ своимъ тѣломъ да поворачивала, чтобы яйца со всѣхъ сторонъ ровно согрѣвались. Вышли, наконецъ, изъ яицъ желтые пушистые цыплята. Гуляетъ по двору курица съ цыплятами. Найдеть она сѣмечко или крошку—сама не ѣстъ, отдаетъ малымъ цыплятамъ. Боятся курица за своихъ дѣтокъ: все поглядываетъ, не налетѣлъ бы ястребъ, не выскочила бы кошка, не обидѣлъ бы кто ея дѣтокъ. А если замѣтитъ курица ястреба издали, закудахнетъ, созоветъ дѣтокъ, укроетъ ихъ своими крылышками; сама скорѣй пропадетъ, а дѣтей не отдастъ.

Поросенокъ.

Было мнѣ лѣтъ шесть. Жили мы тогда очень бѣдно, не было у насъ ни коровы, ни лошади. Полъ въ избѣ былъ земляной, окошечки крошечныя, да и въ тѣхъ половина стеколъ powyбита и заклеена бумагой. Насъ, ребятъ, было много. Мать просто разрывалась на работу дома да еще на поденку ходила. Все она думала: «Заработаю я на поросенка, куплю, выкормлю его, Богъ дастъ, продамъ, и купимъ телушку. Съ Божьей помощью изъ телушки и корову выходимъ, справимся малость».

Долго она такъ думала, наконецъ купила-таки поросенка, бѣлый былъ, съ черными пятнами. Лѣто онъ въ стадѣ ходилъ, дома все, что отъ обѣда оставалось, сѣдалъ,—сытъ былъ, толстый, веселый. Зима подошла. Мать поросенка въ избу взяла, подъ нары

заперла. Такъ и жилъ онъ всю зиму съ нами въ избѣ. Мы, меньшіе ребята, очень любили поросенка: то корочку ему сунемъ, то картошки, — что сами ѣли, то и ему давали. Хоть и трудно было, а прокормили поросеночка зиму.

Выросъ онъ за годъ большой, толстый, мать на него не нарадуется, кормильцемъ называетъ.

Только стала Пасха подходить, солнышко свѣтитъ ярко, снѣгъ таетъ, ручьи бѣгутъ. Глядимъ, мать въ городъ собирается.

— Зачѣмъ въ городъ, мамонька?

— Поросенка продавать.

Поѣхалъ сосѣдъ въ городъ. Мать просилась,

чтобъ ее и поросенка довезъ. Взялъ ихъ съ собой сосѣдъ. Уѣхала мать съ поросенкомъ; тоскливо, пусто въ избѣ стало безъ поросенка.

Вернулась мать домой одна, веселая, баранокъ намъ привезла, гостинцевъ. Отцу рассказываетъ:

— Долго я ходила, поросенка продавала, а все же хорошо продала, хорошую цѣну дали. Будетъ теперь на что телушку купить. Дождемся, — будутъ и наши ребята съ молокомъ.

— Мама, а кому поросеночка-то продала? — спрашиваетъ мать моя меньшая сестренка, Анютка.

— Кому? Мяснику, извѣстно, — говоритъ мать.

У меня баранка стала коломъ въ горлѣ. Я положила ее на лавку, выбѣжала въ сѣни, легла на сундукъ въ темный уголокъ и заплакала.

«Зарѣзали, зарѣзали нашего поросеночка!» все стояло у меня въ головѣ.

Когда это бываетъ?

1.

Таетъ снѣжокъ,
Ожилъ лужокъ,
День прибываетъ...

Когда это бываетъ?

2.

Солнце печетъ,
Липа цвѣтетъ,
Рожь поспѣваетъ...

Когда это бываетъ?

3.

Пусты поля,
Мокнетъ земля,
Дождь поливаетъ...
Когда это бываетъ?

4.

Снѣгъ на поляхъ,
Ледъ на рѣкахъ,
Вьюга гуляетъ...
Когда это бываетъ?

Ледоходъ.

Когда была зима, стояли сильные морозы; по рѣкѣ ѣздили въ саняхъ, какъ по крѣпкому мосту; но весеннее солнце пригрѣло, ледъ надулся и посинѣлъ, его поломало на куски и понесло по рѣкѣ.

Пойдемъ смотрѣть, какъ идетъ рѣка; вотъ несетъ на льдинѣ кошелку, въ ней сидятъ куры. Имъ нечего бояться: у нихъ есть крылья, и берегъ недалеко. Посмотри, какъ взвились хохлатки и перелетѣли прямо на навозную кучу!

Весна.

Дни стали длиннѣе. Солнышко стало теплѣе пригрѣвать землю, снѣгъ сильно таялъ, ребята высыпали на улицу прудки прудить, ручейки проводить.

Вотъ кое-гдѣ выглянула изъ-подъ снѣга голая земля, вотъ на ней среди желтой прошлогодней травы показалась первая зеленая травка. Ручьи, рѣки и рѣчки разлились такъ, что ихъ не узнаешь, шумятъ, гремятъ, берега размываютъ и далеко заливаютъ низкіе берега. Спадеть вода,—ухъ, какая тогда вырастетъ трава на этихъ заливныхъ берегахъ!

Вотъ травка стала гуще, всѣ луга и поля зазеленѣли. Рано по утру раздался рожокъ пастуха! Съ шумомъ раскрываются ворота, бабы и ребята гонять коровъ, телятъ, овецъ, свиней къ околицѣ. Вотъ набралось цѣлое стадо, и пастухи съ подпасками погнали его въ поле отвѣдать свѣжей травки. Наголодался скотъ за долгую зиму, радъ солнышку, теплу, свѣжей зелени.

Вотъ выѣхали мужики пахать, вспахали пашню, вспахали и огороды. Мужики посѣяли въ полѣ яровое: ячмень, гречу, овесъ или пшеницу, а бабы въ огородѣ насажали овощи: лукъ, морковь, свеклу, капусту.

Птички слетѣлись, поютъ, кричатъ цѣлые дни, а дѣла не забываютъ, вьютъ новыя гнѣздышки, чинятъ старыя. Скоро онѣ положить ячки, вывести малыхъ дѣтокъ.

А цвѣтовъ кругомъ сколько стало, — весь лугъ пестрѣеть цвѣтами! А надъ нимъ жужжать хлопотливыя осы и пчелки, порхаютъ веселыя бабочки, въ травѣ ползаютъ жуки, муравьи.

Эхъ, какое раздолье, какъ свѣтло, радостно кругомъ! Хороша ты, весна, весна красная!

Весенніе мѣсяцы: мартъ, апрѣль, май.

Какіе овощи вы знаете? Какіе яровые зѣмба? Какія птички къ намъ весной прилетаютъ? Какія птички у насъ зимуютъ?

Весна.

Ледъ сошелъ; сквозь воду чистую	Солнце яркое надъ хатами,
Видны камень да песокъ;	Все проснулося отъ сна,
Воротились голосистыя	Воздухъ полонъ ароматами.
Птички съ пѣснями въ лѣсокъ.	Здравствуй, красная весна!

Пчелка.

Только-что по проталинкамъ весеннимъ показались ранніе цвѣточки, какъ изъ царства воскового, изъ душистой келейки медовой, вылетаетъ первая пчелка. Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ о

красной весиѣ поразвѣдать: скоро ли луга за-
зеленѣють, распустятся клейкіе листочки, за-
цвѣтеть черемуха душистая?

* * *

Травка зеленѣеть,
Солнышко блестить;
Пташечка съ весною
Въ сѣни къ намъ ле-
титъ.

Съ нею солнце краше
И весна милѣй.

Прощебечь съ дороги
Намъ привѣтъ скорѣй!
Дамъ тебѣ я зеренъ,
А ты пѣсню спой,
Что изъ странъ дале-

кихъ
Принесла съ собой.

Корова и галка.

На дворѣ стоитъ наша бурая корова. Она ѣсть изъ яслей сѣно. На спину ей сѣла галка и клюетъ ей спину. Вѣрно, нашей буренушкѣ больно? Ничуть. Она ѣсть преспокойно душистое сѣно, а галка ее клюетъ. Зачѣмъ же галка дѣлаетъ это? А вотъ зачѣмъ. Теперь весна. Коровы линяютъ, то-есть у нихъ вылѣзаетъ старая шерсть и вырастаетъ новая. А галки весной гнѣзда вьютъ. Имъ нужна шерсть—устлатъ гнѣздо, чтобы яичкамъ было тепло. Вотъ галка и вырываетъ старую шерсть у коровы. И галкѣ хорошо, и коровѣ пріятно, потому что у коровы въ это время кожа чешется, и она даже нарочно трется о заборъ, чтобы старая шерсть скорѣе вылѣзла.

Вотъ галка полетѣла. Во рту у нея шерсть. Она несетъ ее въ гнѣздо. Тепло будетъ лежать яичкамъ въ гнѣздѣ. Мягко и тепло будетъ и птенцамъ ея, маленькимъ галчатамъ, какъ выклюнутся они изъ яицъ.

Въ маѣ.

Я пройдуъ по лѣсамъ,
Много птичекъ есть тамъ:
Всѣ порхаютъ, поютъ,
Гнѣзда теплыя вьютъ.

Я пройдуъ по полямъ,
Тамъ я пчелокъ найду:
И шумять, и жужжать,
И работать снѣшать.

Я пройдуъ по лугамъ,
Мотылечки есть тамъ;
Какъ красивы они
Въ эти майскіе дни!

Ящерица.

Славно припекает весеннее солнышко. Согрелась земля. Отошла въ своей норкѣ и заоченѣвшая отъ холода ящерица.

Выползла ящерица на свѣтъ Божій, приютилась на камнѣ, согрѣлась на солнышкѣ и поѣсть захотѣла. Берегитесь, комары и мухи, жуки, червяки! Ящерица ловко хватаетъ, цѣликомъ глотаетъ. Прытко бѣгаетъ шустрая ящерица на своихъ четырехъ вывернутыхъ лапкахъ, съ цѣпкими коготками. Не бѣда, что животь волочится у нея по землѣ: ловко цѣпляется она по гладкимъ камнямъ и утесамъ, а взобраться по стѣнѣ или по стволу дерева ей ровно ничего не стоитъ.

Ящерица.

Весной кладетъ ящерица въ мохъ мягкія безъ скорлупы яички въ плотной кожуркѣ, и нѣтъ у ней никакой о нихъ заботы. Сами выведутся ящерки-малыши, сами научатся добычу ловить, норку себѣ строить.

Часто люди думаютъ, что ящерица кусается, что она ядовитая, и убиваютъ ящерицъ, а между тѣмъ ящерица не можетъ сдѣлать человѣку никакого вреда: ея крошечные, загнутые назадъ зубки не могутъ даже и укусить,—вѣдь ящерица свою добычу глотаетъ цѣликомъ, а зубки служатъ ей только для того, чтобы задерживать добычу, чтобы не выпустить ее изо рта.

Изо рта у ящерицы то и дѣло высовывается длинный тоненькій-тоненькій язычокъ, его называютъ жаломъ, но и жаломъ этимъ ящерица не жалитъ, а только локаетъ имъ воду, какъ собака, да ощупываетъ имъ, какъ мы ощупываемъ пальцами.

Пока солнышко грѣетъ, и ящерицѣ тепло. Настанутъ осенніе холода, кровь у ней остынетъ, двигаться ящерица станетъ вяло, дышать рѣдко, сердце будетъ биться медленно. Заползетъ ящерица въ какую-нибудь норку и заснетъ, заоченѣетъ и пролежитъ такъ до теплой весны.

Птичка.

Птичка надъ мной окошкѣмъ
Гнѣздышко для дѣтокъ вьетъ,

То соломку тащить въ ножкахъ,
То пушокъ въ носу несетъ.

Птичка домикъ сдѣлать хо-
четь.

Солнышко взойдетъ, зайдетъ—
Цѣлый день она хлопочетъ,
Но и цѣлый день поетъ—
Ночь холодная настанетъ,—
Отъ рѣки туманъ поидетъ,
Птичка бѣдная устанетъ,
Спать и пѣть перестаетъ.
Но чуть утро,—птичка снова
Пѣсню звонко заведетъ;
Весела, сыта, здорова
И поетъ себѣ, поетъ.

Гнѣздо мушкетера.

Безпокойная гостья.

Вернулись ясные весен-
ніе дни, вернулось тепло. Про-
снулась съ теплою и муха,
расправила крылышки, почи-
стила лапками брюшко и отправилась на развѣдки. Прежде всего
ей надо выбрать удобное мѣстечко, гдѣ бы можно было вывести
дѣтей. Попалась мухѣ грязная навозная куча, забытая корка хлѣба,
кусочек мяса,—вотъ и отличное гнѣздышко. Здѣсь муха усаживается
и кладетъ бѣлыя продолговатыя яички. Черезъ минуту она уже
далеко, а о положенныхъ яичкахъ и думать забыла.

Прошелъ день, и яички лопнули. Изъ нихъ вышли на свѣтъ
Божій маленькіе бѣлые червячки. На гнѣзѣ у червячковъ вмѣсто
ножекъ крохотныя бородавочки. Съ жадностью накидываются ново-
рожденные червячки на пищу, служащую имъ и гнѣздомъ. Прохо-
дитъ недѣля, червячки вытягива-
ются и становятся толстыми ку-
колками, точь въ точь маленькіе
боченочки!.. Куколки лежатъ точно
мертвыя. Но онѣ не мертвыя, въ
нихъ идетъ большая и трудная
работа: подъ скорлупкой куколки

Муха, ее червячокъ-личинка и куколка.

у нихъ растутъ крылышки и лапки. Недѣлю и больше лежатъ
куколки неподвижно... Вдругъ въ одинъ день кожица лопається,

и изъ-подъ нея показываются головки бѣлыхъ новорожденныхъ мухъ.

Мухи быстро начинаютъ темнѣть и скоро дѣлаются настоящими мухами.

Приходитъ осень, муха дѣлается вялой, сонной, едва двигаетъ усталыми крылышками, а потомъ и совсѣмъ замретъ гдѣ-нибудь за оконною рамой, чтобы проснуться съ новой весной.

*Мухи, комары, бабочки, пчелы, муравьи,—все это насъкомыя.
Какихъ вы знаете еще насъкомыхъ?*

Испугъ птичекъ.

«Тише, тише!—шепчетъ маленькій черный дроздъ своей подругѣ, сидя вмѣстѣ съ ней въ гнѣздѣ въ заросляхъ кустарника.— Не шевелись! Не открывай рта! Вонъ тамъ два мальчика, они, навѣрное, разыскиваютъ гнѣзда. Распусти крылья, закрой ими и яйца и самое гнѣздо. Ахъ! мнѣ кажется, никогда еще въ жизни я такъ не боялся!»

Потомъ, притаившись, дрожа всѣмъ своимъ тѣлцемъ, они ждали, пока мальчики скрылись изъ виду.

Зато какъ весело зазвучала потомъ ихъ пѣсенка въ кустахъ и разнеслась далеко, далеко по полямъ!

Если бы мальчики знали, какъ птички радовались ихъ уходу, они, навѣрное, не стали бы никогда больше таскать яйца и разорять гнѣзда.

Мальчикъ и мотылекъ.

«Разскажи, мотылекъ,
Чѣмъ живешь ты, дружокъ?»

Какъ тебѣ не устать
День-денской все порхать?»

— Я живу средь луговъ
 Въ блескъ лѣтняго дня,
 Сокъ душистыхъ цвѣтовъ—
 Вотъ вся пища моя.
 Но коротокъ мой вѣкъ:
 Онъ не долѣе дня;
 Будь же добръ, человекъ,
 И не трогай меня.

Мать и птенчики.

Хорошо жилось птенчикамъ въ родномъ гнѣздышкѣ. Подрастать стали птенцы, оперились, стали ужъ у нихъ и крылышки отрастать. Улетѣла мать за кормомъ, а одинъ птенчикъ упалъ изъ гнѣзда.

Прилетѣла мать, видитъ—птенчикъ на землѣ лежитъ, подняться не можетъ. Летаешь мать надъ птенчикомъ, кружится, пищитъ жалобно. Прилетѣла еще другая птичка, третья—летаютъ, кружатся, пищатъ, а помочь не могутъ.

Увидаль это мальчикъ, поднялъ птенчика, влѣзъ на дерево, нашель гнѣздо и посадилъ туда птенчика. Обрадовалась мать, прилетѣла поскорѣй къ гнѣздышку и стала ласково чирикать и кормить своего ушибленнаго малютку.

Лѣто.

Знойно. Не шелохнетъ
 Ни одинъ листокъ.
 Въ полѣ травка сохнетъ,
 Обмельль потокъ.
 Подъ густыя липки
 Дѣтки скрылись въ тѣнь,—
 Въ озерѣ, какъ рыбки,
 Плещутся весь день.

Вдругъ въ лицо пахнуло
 Будто вѣтеркомъ!

За лѣсомъ сверкнуло,
 Слышенъ дальній громъ.

Примѣты лѣта.

За весной пришло теплое лѣто. Лѣтомъ дни бываютъ очень длинны, а ночи коротки. Днемъ солнце грѣетъ такъ сильно, что

камни и песокъ становятся горячими. Всѣ деревья покрыты густою листвою, а луга—зеленою травою; повсюду нестрѣютъ цвѣты. По цвѣтамъ порхаютъ бабочки, шмели и пчелы. Лѣтомъ ребята ходятъ въ лѣсъ за грибами и ягодами. Поспѣваютъ яблоки, вишни, груши. Раздолье ребятамъ!

Лѣтомъ зрѣетъ и наливается рожь, овесъ, ячмень, пшеница и гречиха. Въ деревняхъ все лѣто идутъ спѣшныя и трудныя работы: сѣнокосъ, жатва, уборка хлѣба.

Лѣтніе мѣсяцы: іюнь, іюль, августъ.

Какіе плоды поспѣваютъ лѣтомъ? Какія люди? Почему время сѣнокоса, жатвы и уборки хлѣба называютъ страдой?

Цвѣточки въ полѣ.

Колокольчики мои,
Цвѣтики степные,
Что глядите на меня,
Темноглубые?

И о чемъ грустите вы
Въ день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Лгунъ.

Мальчикъ стерегъ овецъ и, будто увидавъ волка, сталъ звать:
— Помогите! Волкъ, волкъ!

Мужики прибѣжали и видятъ — неправда. Какъ сдѣлалъ такъ мальчикъ и два и три раза, случилось—и вправду набѣжалъ волкъ.

Мальчикъ сталъ кричать:

— Сюда, сюда скорѣй! Волкъ!

Мужики подумали, что онъ опять по-всегдашнему обманываетъ—не послушали его. А волкъ схватилъ большую овцу и утащилъ ее.

Лошадь, корова и овца, собака и кошка около человека живут, человеку пользу приносят, и человек кормит их и заботится о них, а волк, лиса, заяц в лесах на волюй волю живут, сами жилье себѣ устраивают, сами о себѣ заботятся, сами еду себѣ добывают.

Лошадь, корова, овца, собака, кошка—домашнія животныя.

Волк, лиса, заяц—дикія животныя.

Каких вы знаете еще домашних и каких диких животных?

Курица и утка—домашнія птицы, а куропатка, кукушка, соловей—дикія птицы.

Каких вы знаете еще домашних птиц? Каких диких?

Подпасокъ.

Было у вдовы Марьи, кромѣ Федюшки, еще трое ребятъ — все малъ-мала меньше. Федюшка былъ старшій. Ему всего 9 лѣтъ, а наработался онъ уже не мало. Какъ себя помнитъ Федюшка—все у него полны руки дѣла: то ребятъ меньшихъ нянчить, то воду тащить, то хворостъ съ матерью собираетъ въ лѣсу. Такъ съ

утра и до ночи и зиму и лѣто работаетъ Федюшка. Но такъ трудно, какъ нынче, ему еще никогда не приходилось. Отдала его мать въ дальнюю деревню въ подпаски. Лѣто выпало знойное; овода, комары, стадо большое, не стоитъ скотина, въ лѣсъ забирается, врозь разбѣгается; то корову лови, то телку гони, то овецъ собирай, то свиней подгоняй. Измучается Федюшка, потъ льетъ градомъ, въ глазахъ темные круги ходятъ.

Придетъ полдень, напоить пастухи скотину и загонять въ лѣсокъ отдохнуть. Тутъ и Федюшка вздохнетъ, перекуситъ чернаго хлѣбца, что дала на завтракъ та хозяйка, у которой онъ сегодня ночь по череду ночеваль, и растянется на травѣ. Пастухъ спитъ, а

Федюшкѣ спать нельзя: того гляди, скотъ разбредется, гдѣ потомъ собирать? Лежитъ Федюшка и думаетъ о матери, о братишкахъ маленькихъ, о родной деревнѣ. Всплакнетъ даже иногда.

Одна у Федюшки отрада — думается ему, что ужъ эту зиму удастся и ему въ школу походить. Денегъ онъ хоть мало, а все же заработалъ за лѣто, меньшіе ребята подросли, авось мать безъ его помощи зиму дома перебьется, а онъ хоть не каждый день, а урвется въ школу. Очень ужъ ему хочется книжки научиться читать, знать все, что на бѣломъ свѣтѣ дѣлается.

Какъ волки учатъ своихъ дѣтей.

Я шелъ по дорогѣ и сзади себя услышалъ крикъ. Кричалъ мальчикъ-пастухъ. Онъ бѣжалъ полевъ и на кого-то показывалъ.

Я поглядѣлъ и увидалъ — по полю бѣгутъ два волка: одинъ матерой, другой молодой. Молодой несъ на спинѣ зарѣзаннаго ягненка, а зубами держалъ его за ногу. Матерой волкъ бѣжалъ позади.

Когда я увидалъ волковъ, я вмѣстѣ съ пастухомъ побѣжалъ за ними, и мы стали кричать. На нашъ крикъ прибѣжали мужики съ собаками.

Какъ только старый волкъ увидалъ собакъ и народъ, онъ побѣжалъ къ молодому, выхватилъ у него ягненка, перекинулъ его себѣ на спину, и оба волка побѣжали скорѣе и скрылись изъ глазъ.

Тогда мальчикъ сталъ рассказывать, какъ было дѣло: изъ оврага выскочилъ большой волкъ, схватилъ ягненка, зарѣзалъ его и понесъ. Навстрѣчу ему выскочилъ волченочекъ и бросился къ ягненку. Старый отдалъ нести ягненка молодому волку, а самъ налегкѣ побѣжалъ возлѣ. Только когда пришла бѣда, старый оставилъ ученье и самъ взялъ ягненка.

Лягушка и волъ.

Лягушка, на лугу увидѣвши вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться —

Она завистлива была —

И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться!

«Смотри-ка, квакушка, что буду ль я съ него?»

Подругѣ говорить. — Нѣтъ, кумушка, далеко!

«Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко...
 Ну, каково?!.. Пополнилась ли я?»—Почти что ничего.—
 «Ну, какъ теперь?»—Все то жь...—Пыхтѣла да пыхтѣла,

И кончила моя затѣйница на томъ,
 Что, не сравнявшись съ воломъ,
 Съ натуги лопнула и околѣла.

Цвѣтокъ подь бурей.

Красовался въ полѣ бѣленькій цвѣточекъ. Онъ купался въ лучахъ солнца, умывался прохладной росой; онъ глядѣлся въ синее небо.

Налетѣли вихри и бури. Налетѣли и промчались мимо. По-прежнему свѣтитъ солнце, попрежнему смотреть небо,—только бѣленькій цвѣточекъ измятый лежитъ, еле дышитъ: лепесточки его опустились, корешки его подломились.

Жаворонокъ въ неволѣ.

Весной прилетѣлъ изъ далекихъ теплыхъ странъ жаворонокъ. Въ полѣ среди зеленыхъ всходовъ нашелъ жаворонокъ въ землѣ маленькую ямочку, положилъ въ нее яички и сѣлъ ихъ высиживать. Скоро выросла въ полѣ высокая рожь и со всѣхъ сторонъ заслонила гнѣздышко.

Вывелись изъ яичекъ маленькіе голенькіе птенчики. Жаворонокъ кормилъ ихъ, онъ бѣгалъ въ высокой ржи, ловилъ и носилъ птенчикамъ червяковъ, мошекъ; въ жаркую пору дня онъ взлеталъ высоко-высоко въ синее небо и пѣлъ свои чудесныя пѣсенки. Когда шелъ дождь, жаворонокъ садился на гнѣздо и закрывалъ птенчи-

ковъ своими крыльями. Хорошо и спокойно жилось птенчикамъ съ матерью въ родномъ гнѣздышкѣ, среди высокой ржи.

Поставили дѣти сѣть на жаворонка, поймали его, унесли и посадили въ клетку. Они чистили клетку, сыпали жаворонку свѣжаго корма и наливали свѣжей воды. Но жаворонокъ тосковалъ въ клеткѣ по волѣ, тосковалъ по своимъ птенчикамъ. Онъ не пѣлъ пѣсень, не трогалъ корму, сидѣлъ скучный въ уголкѣ клетки. И черезъ два дня, когда дѣти пришли утромъ чистить его клетку, жаворонокъ лежалъ мертвый на днѣ клетки.

Погибли и птенчики въ полѣ безъ матери.

Сѣнокошь.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами.
 Пѣсней душу веселя,
 Бабы съ граблями рядами
 Ходятъ, сѣно шевеля.
 Тамъ сухое убираютъ;
 Мужики его кругомъ
 На возъ вилами кидаютъ,
 Возъ растеть, растеть, какъ
 домъ.

Въ ожиданьѣ конь убогій
 Точно вкопанный стоитъ:
 Уши врозь, дугою ноги,
 И какъ будто, стоя, спитъ.
 Только жучка удалая
 Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ вол-
 нахъ,
 То взлетая, то ныряя,
 Скачетъ, лая впопыхахъ.

Камень и желѣзо.

Степа вышелъ съ учителемъ къ рѣкѣ. На берегу лежали огромные камни, а вокругъ нихъ навалено было много щебню и песку.

Степа бралъ камни и далеко-далеко старался закинуть ихъ въ рѣку. Камень падалъ, булькалъ, и отъ того мѣста, гдѣ онъ упалъ, расходились круги — сначала маленькіе, потомъ все больше и больше. Иногда Степѣ подъ руку попадалъ не камень, а щенка. Щенка падала въ воду, ныряла, а потомъ выплывала и, покачиваясь на мелкихъ волнахъ, плыла въ ту сторону, куда бѣжала рѣчка.

— Откуда тутъ столько песку?—спросилъ Степа.

— Да вотъ отъ такихъ же камней,—отвѣчалъ учитель.—Вода весной сильно разливалась, била о камень и крошила его понемногу. Шелъ дождь, и его капельки долбили камень. Вода забиралась въ трещинки камня, въ холода вода замерзала тамъ и еще шире раздвигала трещины. Камни трескались, отъ нихъ отваливались кусочки и песчинки.

— Вотъ удивительно, вода камень расколола! А все-таки камень крѣпче всякаго дерева,—замѣтилъ Степа.—Вонъ у насъ подъ стѣной дома подложены булыжники, такъ цѣлый домъ сколько

лѣтъ держать, бревна бы сгнили, а булыжники сколько лѣтъ лежать и все такіе же. Я думаю, вѣдь долго простоятъ домъ, весь сдѣланный изъ камня?

— И камни разные бываютъ,—отвѣчалъ учитель:—нѣкоторые скоро разсыпаются. А есть каменные дома, что стоятъ не одну сотню лѣтъ. Есть камень—кремень. Черкни желѣзомъ по кремню и кремнемъ по желѣзу, и увидишь, что кремень чертитъ по желѣзу, а желѣзо по кремню нѣтъ, значить, кремень тверже желѣза; а другіе камни можно разбить желѣзнымъ молотомъ. Желѣзо тверже другихъ камней, разбиваетъ ихъ, зато оно тягуче, ковко. Вонъ, видалъ, какъ кузнецъ раскалитъ желѣзную полосу и бьетъ по ней молотомъ. Она и растягивается. Такъ можно изъ желѣза выбить хоть самый тонкій листокъ или вытянуть проволоку. Съ камнемъ этого не сдѣлаешь, потому что камень хрупокъ.

— А желѣзу вода ужъ ничего сдѣлать не можетъ?—спросилъ Степа.

— Нѣтъ, можетъ. Попробуй ножикъ въ воду положить, что съ нимъ будетъ?

— Онъ заржавѣетъ.

— Вотъ видишь, а ржавчина портитъ желѣзо, разъѣдаетъ его, и желѣзо отъ этого дѣлается некрѣпкое, хрупкое.

Камень.

(БЫЛЬ.)

Одинъ бѣдный пришелъ къ богатому и сталъ просить милостыню. Богатый не далъ ничего и сказалъ:

— Поди вонъ!

Но бѣдный не уходилъ. Тогда богатый разсердился, поднялъ камень и бросилъ имъ въ бѣднаго. Бѣдный поднялъ камень, положилъ за пазуху и сказалъ:

— До тѣхъ поръ буду носить этотъ камень, пока не придется и мнѣ бросить въ него.

И пришло это время. Богатый сдѣлалъ дурное дѣло: у него отняли все, что у него было, и повезли въ тюрьму. Когда его везли въ тюрьму, бѣдный подошелъ къ нему, вынулъ изъ-за пазухи камень и замахнулся; потомъ пораздумался, бросилъ камень на землю и сказалъ:

— Напрасно я такъ долго носилъ этотъ камень: когда онъ былъ богатъ и силенъ, я боялся его; а теперь мнѣ жалко его.

Мѣна.

Купался богатый купецъ въ рѣкѣ, попалъ на глубокое мѣсто и сталъ тонуть. Шелъ мимо старикъ, мужичокъ-сѣрячокъ, услыхалъ крикъ, кинулся и купца изъ воды вытащилъ. Купецъ не знаетъ, какъ старика благодарить: позвалъ къ себѣ въ городъ, угостилъ хорошенько и подарилъ ему кусокъ золота, величиною въ конскую голову.

Взялъ золото мужичокъ и идетъ домой, а навстрѣчу ему барышникъ—цѣлый табунъ лошадей гонить.

— Здравствуй, старикъ! Откуда Богъ несетъ?

— Изъ города, отъ богатаго купца.

— Что же тебѣ купецъ далъ?

— Кусокъ золота съ конскую голову.

— Отдай мнѣ золото, возьми лучшаго коня.

Взялъ старикъ лучшаго коня, поблагодарилъ и пошелъ дальше.

Идетъ старикъ, а навстрѣчу ему пастухъ воловъ гонить.

— Здравствуй, старикъ! Откуда Богъ несетъ?

— Изъ города, отъ купца.

— Что же тебѣ купецъ далъ?

— Кусокъ золота въ конскую голову.

— А гдѣ же оно?

— Промѣнялъ на коня.

— Промѣняй мнѣ коня на любого вола.

Старикъ выбралъ вола, поблагодарилъ и пошелъ.

Идетъ старичокъ, а навстрѣчу овчаръ гонить овечье стадо.

— Здравствуй, старичокъ! Откуда Богъ несетъ?

— Отъ богатаго купца изъ города.

— Что же тебѣ купецъ далъ?

— Золота въ конскую голову.

— Гдѣ же оно?

— Промѣнялъ на коня.

— А конь гдѣ?

— Промѣнялъ на вола.

— Промѣняй мнѣ вола на любого барана.

Взялъ старикъ лучшаго барана, поблагодарилъ и пошелъ дальше.

Идетъ старикъ, а навстрѣчу свинопасъ поросятъ гонить.

— Здравствуй, старикъ! Гдѣ былъ?

- Въ городѣ, у богатаго купца.
 - Что же тебѣ купецъ далъ?
 - Кусокъ золота въ конскую голову.
 - Гдѣ же оно?
 - Промѣнялъ на коня?
 - А конь гдѣ?
 - Промѣнялъ на вола.
 - А волъ гдѣ?
 - Промѣнялъ на барана.
 - Давай мнѣ барана, бери себѣ лучшаго поросенка.
- Выбралъ старикъ поросенка, поблагодарилъ пастуха и пошелъ. Идетъ старикъ, а навстрѣчу ему коробейникъ съ коробомъ за спиной.

- Здравствуй, старикъ! Откуда идешь?
- Отъ купца, изъ города.
- А что тебѣ купецъ далъ?
- Золота въ конскую голову.
- Гдѣ же оно?
- Промѣнялъ на коня.
- А конь гдѣ?
- Промѣнялъ на вола.
- А волъ гдѣ?
- Промѣнялъ на барана.
- А баранъ гдѣ?
- Промѣнялъ на поросенка.
- Промѣняй мнѣ поросенка на любую иглу.

Выбралъ старикъ славную иглу, поблагодарилъ и пошелъ домой. Пришелъ старикъ домой, сталъ черезъ плетень перелѣзать и иглу потерялъ.

Выбѣжала къ старику навстрѣчу старуха:

- Ахъ, голубчикъ мой! Я безъ тебя здѣсь совсѣмъ было пропала. Ну, рассказывай,—былъ ты у купца?
- Былъ.
- Что тебѣ купецъ далъ?
- Кусокъ золота въ конскую голову.
- Гдѣ же оно?
- Промѣнялъ на коня.
- А конь гдѣ?
- Промѣнялъ на вола.
- А волъ гдѣ?

— Промѣняль на барана.

— А баранъ гдѣ?

— Промѣняль на поросенка.

— А поросенокъ гдѣ?

— Промѣняль на иглу: хотѣль тебѣ, старая, подарочекъ принести, сталъ черезъ плетень перелѣзать и потерялъ.

— Ну, слава же Богу, мой голубчикъ, что ты самъ вернулся: пойдѣмъ въ избу ужинать.

И теперь живутъ старичокъ со старушкой счастливые и безъ золота.

Мальчики и лягушки.

Мальчики играли у пруда и увидали въ водѣ много лягушекъ. Они набрали камней и принялись швырять камнями въ лягушекъ. Дѣтямъ было очень весело.

Одна лягушка высунула голову изъ воды и сказала:

— Перестаньте, дѣти, камнями швырять: вамъ это забава, а намъ смерть.

Что пѣтъ лягушка? Не знаетъ ли кто, откуда берутся лягушки? Почему лягушка не ходитъ, а прыгаетъ?

Рыбка.

Рыбочка-рыбка, пожалуй, рѣзвись,
Только стального крючка берегись:
Съ удочкой мальчикъ подь ивой сидитъ

И за лесю прилежно слѣдить.
Рыбкѣ не виденъ коварный крючокъ,
Лакомый вѣтся на немъ червячокъ.
Быстро схватила насадку она,

Съ нею нырнула до самаго дна.

Мальчикъ проворно бѣдняжку подскѣкъ...
Дернулъ... Ну, рыбка,
твой кончился вѣкъ!

Какъ живеть рыба.

Нѣтъ у рыбы ни ногъ, ни крыльевъ, зато есть у нея плавники. Звѣри ходять, птицы и ходять и летаютъ, а рыбы плаваютъ. Машеть рыба плавниками, какъ веслами гребеть, хвостомъ вертитъ, будто рулемъ править, и плаваетъ взадъ и впередъ въ водѣ. Тѣло у рыбы узкое и выпуклое; внутри тѣла есть длинный плавательный пузырь; набереть въ него рыба воздуха и всплываетъ на поверхность; нужно рыбѣ подъ воду уйти, выпустить она изъ пузыря воздухъ и идетъ ко дну.

Всю жизнь живеть рыба въ водѣ и безъ воды жить совсѣмъ не можетъ. Дышитъ рыба тѣмъ воздухомъ, который въ водѣ растворенъ, а вынуть рыбу изъ воды, — она забьется-забьется, ротъ широко откроетъ и скоро задохнется. Въ водѣ добываетъ рыба себѣ кормъ, въ водѣ выводятся и живутъ ея маленькіе. Однѣ рыбы кормятся подводными травами — водорослями, тиной да разной гнилью, другія рыбокъ же поѣдаютъ, гоняются за разной мелкой водяной тварью — за жуками и плавунцами, клопами водяными, головастиками, таскаютъ изъ тины червей. Въ жаркіе солнечные дни мелкія рыбки любятъ подняться веселой стайкой на поверхности воды и гоняться за мухами, мошками, попавшими въ воду. На ночь рыбы уходятъ на дно, забираются въ ямы, подъ коряги и засыпаютъ до утра.

Когда наступять холода, рыбы ложатся на дно рѣкъ и прудовъ, зарываются въ тину и засыпаютъ. Ледъ толстымъ слоемъ покрываетъ рѣки, пруды и озера, и вся жизнь въ водѣ замираетъ. Настаетъ весна. Теплые солнечные лучи растопятъ ледъ, прогрѣютъ воду, заснують въ водѣ насѣкомыя, проснутся и рыбы отъ долгаго сна и опять заснують, заплывають въ родной рѣкѣ.

Скоро онѣ начинаютъ сбиваться въ стаи и мечуть икру. Изъ икры выходятъ малюсенькія прозрачныя рыбки и съ перваго же дня сами начинаютъ о себѣ заботиться, добывать себѣ кормъ и оберегать свою жизнь.

Какихъ вы знаете рыбъ?

Что такое головастики?

Лебедь, щука и ракъ.

Однажды лебедь, ракъ да щука
Везти съ поклажей возъ взялись
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;

Изъ кожи лѣзутъ вонь, а возу все нѣтъ ходу.
 Поклажа бы для нихъ казалась и легка:
 Да лебедь рвется въ облака,
 Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду.
 Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ—судить не намъ,
 Да только возъ и нынѣ тамъ.

Сѣрый гусь.

1. Гусь плаваетъ по водѣ, а курица плавать не можетъ. Отчего это? У гуся лапки широкія, между пальцами перепонка, а у курицы на лапкахъ перепонокъ нѣтъ. Перья у гуся плотныя, будто лакомъ покрыты, подъ хвостомъ въ кожѣ у него есть мѣшечки съ жиромъ; этимъ жиромъ гусь смазываетъ свои перья, и поэтому они не пропускаютъ сквозь себя воды, — гусь и изъ воды сухимъ выйдетъ, а курица, какъ попадетъ въ воду, сейчасъ вся станетъ мокрая, намокнуть всѣ ея перья, отяжелѣютъ, и пойдетъ курица ко дну.

Тѣло у гуся длинное, спереди широкое, сзади заостренное, будто лодочка. Какъ быстрая лодочка плыветъ гусь по водѣ, разсѣкаетъ воду широкою грудью и проворно гребетъ перепончатыми лапками, будто веслами. Весь день плаваютъ гуси по озеру среди высокихъ камышей, таскаютъ изъ воды червяковъ, глотаютъ тину, щиплютъ у береговъ молодые стебли камыша, а къ вечеру выходятъ на бережокъ и идутъ на ближній лугъ пощипать свѣжей, зеленой травки.

Сѣрый гусь.

2. Пришла гусямъ пора дѣтей выводить. Выбрала пара гусей на болотистомъ, топкомъ берегу укромное мѣстечко среди густыхъ камышей и устроила на кочкѣ большое растрепанное гнѣздо изъ толстыхъ стеблей камыша. Когда гнѣздо было готово, сѣрая гусыня нащипала у себя пуху, выстлала имъ гнѣздо мягко-премягко и носила въ него зеленоватыхъ яицъ. Цѣлый мѣсяцъ сидѣла она на яйцахъ, а гусака плавалъ около гнѣзда, сторожилъ его и приносилъ гусыни кормъ.

Наконецъ вылупились изъ яицъ маленькіе желтые гусятки, бѣлая дюжина гусятъ. Глядь, и ужъ поплыли за матерью по родному озеру.

Цѣлое лѣто гусята только и знали, что ѣли, и стали къ осени большими и сильными. Тѣло ихъ обросло длинными перьями, крылья отросли.

Приближалась зима. Часто уже по утрамъ иней покрывалъ траву, и вода озера подергивалась льдомъ. Плохо приходилось гусямъ, ихъ голыя лапки мерзли, пищи съ каждымъ днемъ было меньше, и гуси голодали. Наконецъ собрались они на совѣтъ, покричали, покричали, поднялись на воздухъ и полетѣли въ теплые края.

Гусь, утка, лебедь плаваютъ по водѣ, добываютъ изъ водѣ свой кормъ, всѣ они—водяныя птицы.

Журавль, цапля тоже живутъ близъ воды, въ болотахъ. Они не плаваютъ, какъ гусь и утка, а на длинныхъ ногахъ ходятъ по болоту и длиннымъ клювомъ вытаскиваютъ себѣ изъ тины лягушекъ, улитокъ.

Журавль и цапля—болотныя птицы.

Не знаете ли вы еще какихъ-нибудь водяныхъ птицъ?

Не знаете ли вы еще какихъ-нибудь болотныхъ птицъ?

Эхо.

Саша не зналъ, что такое эхо. Дядя пошелъ съ Сашей въ лѣсъ. «Ау!» — закричалъ дядя, и въ лѣсу кто-то закричалъ: «Ау!» «Эге... ге... ге!» — крикнулъ дядя, и по лѣсу кто-то прокричалъ: «Ге-ге!...» — «Ну, вотъ тебѣ и эхо», — сказалъ дядя.

Въ лѣсу.

Въ жаркіе дни я любилъ забираться въ лѣсъ. Какъ тамъ было хорошо, прохладно, тихо! Вотъ бѣлая береза покачиваетъ своими тонкими вѣточками, вотъ сбились въ кучку темныя елки. Вотъ красивый, прямой стволъ сосны, а тамъ осины дрожатъ своими листочками. Я тихо лежу, смотрю и слушаю. Вотъ въ травѣ ползетъ какой-то жучокъ, муравей тащитъ соломинку и никакъ не можетъ перебраться съ ней черезъ корешокъ. Вотъ онъ побѣгалъ, посетился и пошелъ звать на помощь товарища. Вдвоемъ-то они легко перенесли соломинку.

Вотъ у меня надъ головой раздается: тукъ-тукъ. Я поднимаю

голову и вижу, высоко по стволу дерева бѣгаетъ пестрая, довольно большая птица, стучить носомъ и вылавливаетъ червячковъ и жучковъ. А вотъ невдалекѣ закуковала кукушка. Я давно стараюсь рассмотреть ее, да никакъ не могу. Ужъ очень она осторожная птица, ловко умѣетъ прятаться въ вѣтвяхъ дерева и никогда не подпускаетъ къ себѣ близко.

На меня упала съ дерева шишка. Я поднялъ голову, взгляде́лся и рассмотрѣлъ пушистый хвостикъ и остренькую мордочку бѣлочки. Бѣлочка замѣтила меня, внимательно посмотрѣла на меня, быстро спряталась за стволъ дерева, потомъ перебралась на вѣтку и вдругъ перепрыгнула на другое дерево, а съ него на третье и мигомъ пропала у меня изъ глазъ.

Гдѣ-то далеко раздались крики ребятъ: «Го-го-го! лови косо́го!» и вдругъ на меня изъ лѣса выскочилъ съ разбѣга заяцъ. Онъ остановился въ испугѣ, сѣлъ на заднія лапки, подергалъ быстро ушками и кинулся въ сторону.

Ахъ, какъ хорошо, какъ весело въ лѣсу, — чего-чего тамъ только ни насмотришься!

Береза.

Росла въ саду высокая береза. Стволъ у нея былъ бѣлый, листочки зеленые. Выросли весной на березѣ между листочковъ зеленыя сережки. Когда эти сережки засохли, изъ нихъ высыпались крылатыя зернышки. Вѣтеръ подхватилъ одно крылатое зернышко и понесъ его. Далекое отъ березы упало крылатое зернышко на землю. А тутъ дождь пошелъ и вколотилъ зернышко въ землю. Лежитъ зернышко въ землѣ. Отъ дождя зернышко разбухло и пустило внизъ бѣлый корешокъ, а вверхъ крошечный росточекъ.

Корешки въ землю уходятъ глубоко и пьютъ изъ нея разные соки, которые нужны растенію. А росточекъ тянется вверхъ. Вотъ онъ изъ земли выглянулъ и растетъ все вверхъ да вверхъ. Пустилъ росточекъ клейкіе ма-

Вѣтка березы съ сережками.

маленькіе листочки и тянется все вверхъ. Солнце свѣтитъ на маленькую березку и дождь ее поливаетъ, а она все растетъ да растетъ. Вотъ холодъ насталъ, повяли на березкѣ всѣ листья и осыпались, перестала она расти. Пошелъ снѣгъ, и настала зима холодная и морозная. Зимой растенія не растутъ, и сокъ въ нихъ не движется.

Прорастающая березка.

Пришла весна, стаялъ снѣгъ, трава зазеленѣла, и стали на деревьяхъ листья распускаться. И на березкѣ листики распустились.

Выросла березка съ цѣлымъ аршинъ, стоитъ такая хорошенькая, зеленая. Пришелъ Миша и увидалъ березку, взялъ скрябку и ну рыть землю возлѣ деревца. Да одинъ не сладилъ, побѣжалъ за папой. Папа пришелъ съ большой скряжкой, вырылъ березку вмѣстѣ съ землей и посадилъ ее въ ямку, которую Миша вырылъ въ своемъ садикѣ. Потомъ Миша полилъ березку, и стала березка расти у Миши въ садикѣ.

Споръ деревьевъ.

Заспорили деревья между собою, кто изъ нихъ лучше.

Вотъ дубъ и говоритъ: «Я всѣмъ деревьямъ царь! Корень мой глубоко въ землю ушелъ, стволъ въ три обхвата, верхушка въ небо смотрится; листья у меня вырѣзные, а сучья будто изъ желѣза слиты. Нужно людямъ что покрѣпче построить, всѣ ко мнѣ идутъ. Я не кланяюсь бурямъ, не гнусь передъ грозой».

Услышала яблоня, какъ дубъ хвастаетъ, и молвила: «Не хвастай много, дубъ, что ты великъ и толстъ; зато растутъ на тебѣ жолуди, однѣмъ свиньямъ на потѣху, а мое-то румяное яблочко всякому любо».

Слушаетъ сосенка, иглистой верхушкой покачивается: «Погодите, говоритъ, похвалиться; вотъ придетъ зима, и будете вы оба стоять голешеньки, а на мнѣ все же останутся мои зеленныя иголки, безъ меня въ холодной сторонѣ житья бы людямъ не было: я имъ печки топлю и избы строю».

На дубъ, на березъ, на осинъ листья—это лиственные деревья.

На ели, на соснѣ—иголки, хвоя. На зиму хвоя не падаетъ. Такія деревья называются хвойными.

На яблонь, на грушъ растутъ плоды—такія деревья называются плодовыми.

Какія вы еще знаете лиственные деревья? Какія хвойныя? Какія плодовыя? Для чего человеку нужны деревья?

Какъ живетъ бѣлка.

Снѣгъ растаялъ. Наступила весна. Проснулся дремучій лѣсъ, одѣлся зеленою листвою, огласился звонкими, веселыми пѣснями птичекъ. Стали птички вить гнѣзда. Принялась и бѣлка устраивать себѣ гнѣздо.

Выбрала она себѣ высокое вѣтвистое дерево и начала таскать сухіе прутики, листья и прошлогоднюю траву. Сдѣлала она себѣ домикъ такъ, чтобы въ него ни вѣтеръ, ни дождь ни попали. И весь домикъ внутри выстлала сухимъ мхомъ, чтобы теплѣе было ея дѣткамъ.

Завелась и семья у бѣлочки—съ полдюжины крошечныхъ слѣпыхъ бѣльчатокъ. Прошло дней восемь. У бѣльчатокъ открылись глазки, тѣльце ихъ обросло шерстью. Прошла еще недѣля, бѣльчата повзросли, окрѣпли и ужъ выглядываютъ изъ гнѣзда. Рыженькая шерстка ихъ такъ и лоснится, веселые глазенки такъ и прыгаютъ!

Наступило лѣто, покраснѣли въ лѣсной травѣ ягодки земляники и клубники. Старая бѣлка осторожно сводитъ своихъ дѣтокъ съ дерева и ведетъ ихъ полакомиться ягодами и молодыми грибами. Наѣдятся бѣльчата—и опять на дерево: тамъ имъ привольно, и безопасно. Въ густой листвѣ заводятъ бѣльчата игры, гоняются другъ за другомъ по вѣткамъ, рѣзвятся словно малыя дѣти.

Время незамѣтно идетъ. Бѣльчата совсѣмъ выросли, и старая бѣлка покинула ихъ: они проживутъ теперь и безъ матери.

Лѣто проходитъ, скоро наступитъ осень, а тамъ и холодная зима. Надо подумать, чѣмъ зиму кормиться. Еще съ половины лѣта старыя и молодыя бѣлки принимаются сушить на зиму грибы. Подниметъ бѣлка грибокъ и воткнетъ его на тонкій сучокъ на макушкѣ высокой сосны. Когда поспѣютъ орѣхи, бѣлка натаскаетъ и орѣховъ. Все это она складываетъ въ дуплѣ дерева.

Не страшна теперь бѣлкѣ зима. Осенью переменитъ бѣлка легкую лѣтнюю шубку на теплую зимнюю. А запасовъ у ней наготовлено столько, что до новой весны хватитъ. Въ теплые деньки зимой будетъ просыпаться бѣлочка и ѣсть свои запасы, а въ холодные—будетъ крѣпко спать, свернувшись клубочкомъ и накрывшись теплымъ пушистымъ хвостомъ.

Бѣлочка у своего гнѣзда.

Волчьи ягоды.

Вася былъ въ лѣсу. На одномъ кустикѣ висѣли темныя ягоды. «Это, вѣрно, вишни», подумалъ Вася и съѣлъ одну ягодку. Потомъ другую, третью и съѣлъ ихъ нѣсколько. Вдругъ ему сдѣлалось тошно. Прибѣжалъ онъ домой и сталъ жаловаться на боль въ животѣ. Мать побѣжала на барскій дворъ просить лѣкарства. Баринъ пришелъ посмотрѣть больного; узнавши, что Вася въ лѣсу ѣлъ темныя ягоды, онъ далъ ему деревяннаго масла и велѣлъ пить теплымъ молокомъ, чтобы больного вырвало; но ничто не помогало. Вася умеръ, потому что наѣлся волчьихъ ягодъ.

Лиса.

Повадилась лиса ходить въ деревню куръ таскать. Тихо крадется лиса, пушистымъ хвостомъ слѣдъ замечаетъ. Хитрая она, осторожная: подберется къ хлѣву, вскарабкается на крышу, разберетъ

Лиса съ дѣтенышами.

солому и схватить курицу. Потомъ спрыгнуть на землю и утащить курицу въ поле.

За полемъ около лѣса есть овражекъ. Въ этомъ овражкѣ нора, а въ норѣ четыре лисенка. Имъ-то и несетъ она курицу. Любить

лиса своихъ дѣтокъ, отдаетъ имъ свою лучшую добычу, а сама перебивается чѣмъ попало, похудѣетъ даже. Заботливо скрываетъ она свое жилище отъ всякаго глаза — изъ норы идетъ крадучись, въ нору никогда не идетъ прямо, а всегда колесить, чтобы запутать свои слѣды, а замѣтить что недоброе около своей норы, перетаскаетъ ребятъ одного за другимъ за шиворотъ на другое мѣсто.

Разъ охотники разрыли лисью нору, собаки загнали лисицу далеко отъ норы, а охотники перебили лисятъ, а одного лисенка взяли съ собой. Охотникъ посадилъ лисенка на цѣпь на дворѣ, далъ ему всякаго корму, но лисенокъ сидѣлъ скучный, не трогалъ корма и тихо вылъ.

Настала ночь. Вдругъ охотникъ услышалъ на дворѣ какой-то шумъ, что-то темное перемахнуло черезъ заборъ, и лисенокъ вдругъ радостно завизжалъ и потомъ затихъ, и послышалось какое-то лязганье, точно кто пилилъ по желѣзу. Охотникъ подошелъ поближе къ окну и увидѣлъ, что около лисенка лежитъ большая лисица. Это мать пришла навѣстить своего сына и покормить его своимъ молокомъ. Лисенокъ лежалъ, прижавъ къ матери, и тихо, радостно взвизгивалъ, а мать грызла и не могла разгрызть ужасную цѣпь, которая держала ея дѣтеныша въ неволѣ.

На утро, когда пришли къ лисенку, онъ сидѣлъ еще скучнѣе, еще печальнѣе, а передъ нимъ на землѣ лежало много задушенной птицы, — это мать, уходя, оставила корму своему дѣтенышу.

Зайчикъ.

Зайчикъ мой,	Охотнички
Сѣренькій!	Да работнички
Ты куда, куда бѣжишь,	За мной гонятся,
Куда прядешься?	Все охотятся.
Я бѣгу, бѣгу въ лѣсокъ,	Въ огородъ я стоялъ
За ракитовый кустокъ.	Да капустку помялъ.

Заячья семья.

Ярко свѣтитъ весеннее солнышко. Тихо кругомъ. Только птички заливаются, щебечутъ въ кустахъ. Набралась зайчиха смѣлости и вывела своихъ зайчатъ на полянку попрыгать, пощипать свѣжей травки. Хорошо зайчаткамъ, солнышко пригрѣваетъ ихъ, они щиплютъ траву, грызутъ молодые древесные побѣги, лакомятся клеверомъ, играютъ между собою, а мать ихъ, сѣрая зайчиха, смиренно

сидить, осматривается да прислушивается, не грозит ли имъ бѣда какая. А уши у нея большія и чуткія, слышать малѣйшій шорохъ.

Другіе звѣри и птицы подзываютъ къ себѣ своихъ дѣтенышей легкимъ крикомъ или ворчаньемъ, а робкая зайчиха не смѣетъ и пикнуть; у нея съ дѣтми разговоръ особенный: мать чуть шевельнетъ длинными ушами, и дѣти ужъ понимаютъ ее. Вотъ она насторожилась, ей послышался какой-то шумъ,—ужъ не подкрадывается ли къ нимъ лиса? Она безпокойно приподнялась на заднія ноги, вытянула голову и зашевелила ушами. Забезпокоились и дѣти, быстро

Зайцы.

быстро зашевелили ушами,—прыгъ!—и вся семья уже мчалась безъ оглядки въ лѣсъ. Мать бѣжала впереди, и яркое бѣлое пятно на шкуркѣ подъ ея короткимъ хвостикомъ указывало дѣтямъ, куда бѣжать.

Въ одну минуту они были уже въ самой глухой чащѣ родного лѣса, и вся семья лежала въ ямкѣ подъ густымъ орѣшникомъ, плотно прижавшись къ землѣ.

Такъ пролежали они до ночи. Ночью, когда кругомъ все стихло и взошла луна, зайчиха вывела своихъ ребятъ изъ логова и повела ихъ на огородъ поживиться капустой и морковью.

Съ каждымъ днемъ зайчата дѣлались умнѣе. Они скоро научились всей заячьей наукѣ, научились распознавать кормъ, узнали дорогу и на огородъ и на хлѣбное поле, научились находить укромные уголки и прятаться въ нихъ такъ, что ни одному звѣрю ихъ не найти, научились хитро запутывать свои слѣды. Тогда зайчиха оставила ихъ: они проживутъ теперь и безъ матери.

Колобокъ.

Жилъ-былъ старикъ со старухой. Вотъ и просить старикъ:

— Испеки мнѣ, старая, колобокъ.

— Да изъ чего испечь-то? Муки нѣтъ.

— Эхъ, старуха, по амбару помети, по сусѣчкамъ поскреби—вотъ и наберется.

Старуха такъ и сдѣлала: намела, наскребла горсти двѣ муки,

замѣсила тѣсто на сметанѣ, скатала колобокъ, изжарила его въ маслѣ и положила на окно простынуть.

Надоѣло колобку лежать: онъ и покотился съ окна на завалинку, съ завалинки на травку, съ травки на дорожку—и покотился по дорожкѣ.

Катится колобокъ по дорогѣ, а навстрѣчу ему заяцъ:

— Колобокъ, колобокъ! я тебя съѣмъ!

— Нѣтъ, не ѣшь меня, косой; а лучше послушай, какую я тебѣ пѣсенку спою.

Заяцъ уши поднялъ, а колобокъ запѣлъ:

„Я колобокъ, колобокъ!
По амбару метенъ,
По сусѣчкамъ скребенъ,
На сметанѣ мѣшанъ,
Въ печку сажень,

На окошкѣ стужень.

Я отъ дѣдушки ушелъ,

Я отъ бабушки ушелъ:

Отъ тебя, зайца, не хитро

уйти“.

И покотился колобокъ дальше: только заяцъ его и видѣлъ.

Катится колобокъ по тропинкѣ въ лѣсу, а навстрѣчу ему сѣрый волкъ.

— Колобокъ, колобокъ! Я тебя съѣмъ!

— Не ѣшь меня, сѣрый волкъ, я тебѣ пѣсню спою.

И колобокъ запѣлъ:

„Я колобокъ, колобокъ!
По амбару метенъ,
По сусѣчкамъ скребенъ,
На сметанѣ мѣшанъ,
Въ печку сажень,
На окошкѣ стужень.

Я отъ дѣдушки ушелъ,

Я отъ бабушки ушелъ,

Я отъ зайца ушелъ:

Отъ тебя, волка, не хитро

уйти“.

Покотился колобокъ дальше: только его волкъ и видѣлъ.

Катится колобокъ по лѣсу, а навстрѣчу ему медвѣдь идетъ, хворостъ ломаетъ, кусты къ землѣ гнетъ.

— Колобокъ, колобокъ! я тебя съѣмъ!

— Ну, гдѣ тебѣ, косолапому, съѣсть меня! Послушай лучше моей пѣсенки.

Голова волка.

Колобокъ заплѣлъ, а Миша и уши развѣсилъ.

Голова медвѣдя.

„Я колобокъ, колобокъ!	Я отъ дѣдушки ушелъ,
По амбару метень,	Я отъ бабушки ушелъ,
По сусѣчкамъ скребень,	Я отъ зайца ушелъ,
На сметанѣ мѣшанъ,	Я отъ волка ушелъ:
Въ печку сажень,	Отъ тебя, медвѣдь, пол-
На окошкѣ стужень.	горя уйти“.

И покатился колобокъ: медвѣдь только вслѣдъ ему посмотрѣлъ.

Катится колобокъ, а навстрѣчу ему лиса: «Здравствуй, колобокъ! Какой ты пригоженькій, румяньейкій!» Колобокъ радъ, что его похвалили, и заплѣлъ свою пѣсенку; а лиса слушаетъ да все ближе подкрадывается.

„Я колобокъ, колобокъ!	Я отъ дѣдушки ушелъ,
По амбару метень,	Я отъ бабушки ушелъ,
По сусѣчкамъ скребень,	Я отъ зайца ушелъ,
На сметанѣ мѣшанъ,	Я отъ волка ушелъ,
Въ печку сажень,	Отъ медвѣдя ушелъ:
На окошкѣ стужень.	Отъ тебя, лиса, не хитро уйти“.

— Славная пѣсенка! — сказала лиса, — да то бѣда, голубчикъ, что я стара стала — плохо слышу. Сядь ко мнѣ на мордочку да пропой еще разочекъ.

Колобокъ обрадовался, что его пѣсенку похвалили, прыгнулъ лисѣ на морду, да и заплѣлъ:

— Я колобокъ, колобокъ!..

А лиса его — гамъ! — и съѣла.

Муравей и голубка.

(Басня.)

Муравей спустился къ ручью: захотѣлъ напиться. Волна захлестнула его и чуть не потопила. Голубка несла вѣтку; она увидѣла — муравей тонетъ, и бросила ему вѣтку въ ручей. Муравей съѣлъ на вѣтку и спасся.

Потомъ охотникъ разставилъ сѣть на голубку и хотѣлъ захлопнуть. Муравей подползъ къ охотнику и укусилъ его за ногу; охотникъ охнулъ и уронилъ сѣть. Голубка вспорхнула и улетѣла.

Дождевыя капли.

Капля дождевая	Отвѣчаютъ капли:
Говорить другимъ:	«Здѣсь бѣднякъ живетъ;
«Что мы здѣсь въ окошко	Мы ему приносимъ
Громко такъ стучимъ?»	Вѣсть, что хлѣбъ растеть».

Гроза въ лѣсу.

Когда я былъ маленькій, меня послали въ лѣсъ за грибами. Я дошелъ до лѣсу, набралъ грибовъ и хотѣлъ итти домой. Вдругъ стало темно, пошелъ дождь, и загремѣло. Я испугался и сѣлъ подь большой дубъ.

Блеснула молнія такая свѣтлая, что моимъ глазамъ стало больно, и я зажмурился. Надъ моей головой что-то затрепало и загремѣло; потомъ что-то ударило меня въ голову. Я упалъ и лежалъ до тѣхъ поръ, пока пересталъ дождь.

Когда я очнулся, по всему лѣсу капало съ деревьевъ, пѣли птички и играло солнышко. Большой дубъ сломался, и изъ него шелъ дымъ. Вокругъ меня лежали щепки отъ дуба. Платье на мнѣ все было мокрое и липло къ тѣлу; на головѣ была шишка, и было немножко больно. Я нашелъ свою шапку, взялъ грибы и побѣжалъ домой.

Дома никого не было. Я досталъ въ столѣ хлѣба и влѣзъ на печку. Тутъ и заснулъ. Когда я проснулся, я увидалъ съ печки, что грибы мои изжарили, поставили на столъ и уже хотятъ ѣсть. Я закричалъ:

— Что вы безъ меня ѣдите?

Они говорятъ:

— Что жъ ты спишь? Иди скорѣй, ѣшь.

Нива.

Нива моя, нива,	Надъ тобою съ пѣсней
Нива золотая!	Жаворонокъ вьется;
Зрѣешь ты на солнцѣ,	Надъ тобой и туча
Колосъ наливая;	Грозно пронесется.
По тебѣ отъ вѣтру,	Унеси ты, вѣтеръ,
Словно въ синемъ морѣ,	Тучу градовую!
Волны такъ и ходятъ,	Сбереги намъ, Боже,
Ходятъ на просторѣ.	Ниву трудовую!

Гнѣздо ястреба.

Жарко. Въ деревнѣ ни души. Всѣ ушли въ поле. Высоко въ синемъ небѣ, чуть помахивая широкими крыльями, кружится ястребъ. Вотъ увидали его воробьи, прыгавшіе стайкой по дорогѣ, и всполошились, закричали громко и мигомъ спрятались въ кустахъ. Увидала ястреба и насѣдка, нахохлилась, растопырила крылья и заклохтала, сзывая къ себѣ подъ крылья цыплятъ. Зазѣвался одинъ цыпленочекъ, не успѣлъ спрятаться, камнемъ опустился на него ястребъ, схватилъ его острыми когтями и понесъ.

Ястребъ.

За деревней въ лѣсу, на высокой старой ели, на самой верхушкѣ есть у ястреба большое гнѣздо—изъ толстыхъ вѣтвей растрепанный помостъ, сверху устланный сосновыми и еловыми вѣтками. На гнѣздѣ сидитъ ястребиха. Нѣсколько дней тому назадъ снесла она три зеленоватыхъ яйца и съ тѣхъ поръ сидитъ на нихъ днемъ и ночью, не слетая. Вотъ ястребъ подлетѣлъ къ ней и положилъ передъ нею свою добычу. Съ жадностью накинулась на нее ястребиха, а ястребъ опять улетѣлъ на охоту.

Ястребъ птица не маленькая, ему много надо, чтобы быть сытымъ, а теперь ему приходится работать за двоихъ, чтобы кормить себя и свою ястребиху.

Долго сидитъ ястребиха на яйцахъ; наконецъ, вылупятся изъ нихъ ястребята, крикливые, вѣчно голодные, тутъ ужъ обоимъ старикамъ приходится поработать, чтобы выкормить ихъ.

Любятъ ястребъ съ ястребихой своихъ дѣтенышей, жизнь свою за нихъ отдать готовы, весь день-денской летаютъ они, носятъ кормъ птенцамъ и суютъ въ ихъ голодные рты. Настанетъ ночь, и старики измученные прилетятъ къ гнѣзду, мать сядетъ къ птенцамъ, укроетъ ихъ крыльями и чутко дремлетъ до утра, пока не разбудитъ ее крикъ голодныхъ птенцовъ. День насталъ, пора старикамъ снова за работу приниматься.

Ястребъ, коршунъ, сова живой добычей кормятся, убиваютъ другихъ птичекъ и звѣрковъ и ѣдятъ ихъ; всѣ они—хищныя птицы.

Воробей, щегленокъ зернышками кормятся; ихъ зовутъ зерноядными птицами.

Ласточка, соловей мошекъ, комаровъ ловятъ, червей ѣдятъ; они—насъкомольныя птицы.

Хорошо поютъ соловей, малиновка, жаворонокъ; любятъ люди слушать ихъ пѣсенки. Зовутъ ихъ люди пѣвчими птицами.

Какихъ вы знаете хищныхъ птицъ? зерноядныхъ птичекъ? а наськомольныхъ? а пѣвчихъ?

Урожай.

Стала скотинушка въ лѣсъ убираться,
Стала рожь-матушка въ колосъ метаться,
Богъ намъ послалъ урожай!

Дождикомъ нивы мочило обильно,
Солнышко красное грѣло ихъ сильно.
Богъ намъ послалъ урожай!

Добрые люди, спѣшите,
 Острыя косы несите,
 Богъ намъ послалъ урожай!
 Ржица поспѣла проворно,
 Могутъ осыпаться зерна...
 Богъ намъ послалъ урожай!

Пожаръ.

Въ жнитво мужики и бабы ушли на работу. Въ деревнѣ остались только старые да малые. Въ одной избѣ оставались бабушка и трое внучатъ. Бабушка истопила печку и легла отдохнуть. На нее садились мухи и кусали ее. Она закрыла голову полотенцемъ и заснула.

Одна изъ внучекъ, Маша (ей было три года), открыла печку, нагребла угольевъ въ черепокъ и пошла въ сѣни. А въ сѣняхъ лежали снопы. Бабы приготовили эти снопы на связла *). Маша принесла уголья, положила подъ снопы и стала дуть. Когда соломка стала загораться, она обрадовалась, пошла въ избу и привела за руку брата, Кирюшку (ему было полтора года, онъ только-что выучился ходить), и сказала: «Глянь, Килюска, какую я печку вздула». Снопы уже горѣли и трещали.

Когда застлало сѣни дымомъ, Маша испугалась и побѣжала назадъ въ избу. Кирюшка упалъ на порогъ, расшибъ носъ и заплакалъ. Маша втащила его въ избу, и они оба спрятались подъ лавку. Бабушка ничего не слыхала и спала.

Старшій мальчикъ Ваня (ему было восемь лѣтъ) былъ на улицѣ. Когда онъ увидалъ, что изъ сѣней валить дымъ, онъ вбѣжалъ въ дверь, сквозь дымъ перескочилъ въ избу и сталъ будить бабушку, но бабушка спросонковъ ошалѣла и забыла про дѣтей, выскочила и побѣжала по дворахъ за народомъ.

Маша тѣмъ временемъ сидѣла подъ лавкой и молчала; только Кирюшка кричалъ, потому что больно разбилъ себѣ носъ. Ваня услышалъ его крикъ, поглядѣлъ подъ лавку и закричалъ Машѣ: «Бѣги, сгоримъ!». Маша побѣжала въ сѣни, но отъ дыма и отъ огня нельзя было пройти. Она вернулась назадъ. Тогда Ваня поднялъ окно и велѣлъ ей лѣзть. Когда она пролѣзла, Ваня схватилъ брата и потащилъ его. Но мальчикъ былъ тяжелъ и не давался брату. Онъ плакалъ и толкалъ Ваню. Ваня два раза упалъ, пока дота-

*) Соломенные жгуты, чтобы вязать снопы.

щилъ его къ окну. Дверь въ избѣ уже загорѣлась. Ваня просунулъ Кирюшкину голову въ окно и хотѣлъ протолкнуть его, но мальчикъ ухватился ручонками и не пускалъ ихъ. Тогда Ваня закричалъ Машѣ: «Тащи его за голову!» а самъ толкалъ сзади. И такъ они вытащили его въ окно на улицу и сами выскочили.

Догадливая ворона.

Ворона бѣдная отъ жажды умирала
И гдѣ-то на полѣ кувшинъ съ водой смыкала;
Но вотъ бѣда: низка была въ кувшинѣ томъ вода.
Какъ станешь пить? Кувшинъ великъ,
Нельзя его воронѣ сдвинуть,
Не только опрокинуть,
А надобно воды достать.
Вотъ стала камешки она въ него бросать:
Съ краями наравнѣ вода приподнялась,
И тутъ уже моя ворона напилась.

Откуда взялся хлѣбъ.

1. Лѣто приходило къ концу. Стоялъ августъ мѣсяцъ. Петинъ отецъ съ утра выѣхалъ въ поле. Еще раньше вспахалъ онъ его, взборонилъ, а теперь ходитъ съ сѣвалкой черезъ плечо и то одной, то другой рукой разбрасываетъ зерна ржи. Долго ходилъ Петинъ отецъ по нивѣ, наконецъ засѣялъ все поле. Потомъ онъ запрягъ Пѣганку въ борону и заборонилъ сѣмена.

— Ну, слава Богу, посѣялъ хлѣбушко, какой-то урожай на будущей годъ Богъ пошлетъ!

2. Вотъ пришла зима. Было холодно. Петя сидѣлъ въ избѣ. Рѣдко когда удавалось ему одѣть сестринъ полушубокъ и валенки и выбѣжать на улицу. Долго тянулась зима, но все же кончилась, и послѣ зимы наступила весна. Петя бѣгалъ по полямъ, видѣлъ, какъ на той полосѣ, гдѣ осенью сѣялъ отецъ, зазеленѣлась рожь. За лѣто рожь выросла, выпустила и налила колось и пожелтѣла. Пришло время жнитва. Отецъ и мать съ ранняго утра уходили въ поле. Петя часто бѣгалъ въ поле, носилъ имъ обѣдать. Онъ видѣлъ, какъ они жали рожь серпами, связывали въ снопы, а снопы складывали одинъ на другой въ копны. Вотъ тяжелые снопы покрыли все поле.

Отецъ запрягъ лошадь и говорить Петѣ:

— Пойдемъ, сынокъ, привеземъ съ поля хлѣбушка.

Петя забрался на телѣгу, и поѣхали. Мать подавала снопы, а отецъ укладывалъ ихъ на возу. Когда возъ былъ готовъ, отецъ посадилъ Петю, и онъ поѣхалъ.

Привезли снопы въ овинъ. Отецъ высушилъ ихъ и сталъ молотить. Отецъ и мать по очереди стучали по снопамъ цѣпами, и изъ нихъ вываливались зерна. Намолотили много зеренъ. Отецъ сталъ подкидывать ихъ лопаткой. Вѣтеръ далеко относитъ мякину и всякій соръ, а тяжелыя сѣмена падали въ одну кучу. Потомъ отецъ повезъ зерна на мельницу и Петю взялъ съ собой. Тутъ Петя увидѣлъ, какъ изъ этихъ зеренъ получается мука.

Привезли муку домой, и мать Пети изъ свѣжей муки замѣсила лепешки.

Будешь трудиться, будетъ въ клѣтѣ и хлѣбушко водиться; а если ты пролежишь, зимой съ сумой побѣжишь.

Какъ я поймалъ рыбку.

У насъ въ деревнѣ нѣтъ ни рѣчки, ни пруда. Разъ отецъ повезъ въ село къ мельнику зерно, намолотъ муки, и взялъ меня съ собою. Когда мы приѣхали на мельницу, я пошелъ играть съ дѣтьми мельника.

Мельниковъ сынъ Андрей сказалъ мнѣ:

— Хочешь, пойдемъ удить рыбу? Мнѣ тятя вырѣзалъ славную большую удочку. Я и тебѣ удочку достану.

Я никогда не видалъ, какъ ловятъ рыбу, и мнѣ очень хотѣлось попробовать. Мы пошли къ пруду и сѣли на берегу.

Андрей далъ мнѣ въ руки удочку, насадилъ на крючокъ червячка и забросилъ крючокъ въ воду и сказалъ:

— Смотри, какъ рыба станетъ клевать, тащи скорѣй.

Мы просидѣли не долго. Вдругъ Андрей закричалъ:

— Тащи, тащи, скорѣй: клюетъ!

Я выдернулъ удочку: на ней билась небольшая рыбка... Я взялъ ее въ руки. Крючокъ попалъ рыбкѣ въ ротъ и вышелъ изъ глаза. Изъ глаза текла кровь. Мнѣ стало жалко рыбку, я снялъ рыбку съ крючка и пустилъ въ воду. Андрей сталъ меня бранить—зачѣмъ я пустилъ рыбку. Но я былъ радъ, что бросилъ рыбку опять въ прудъ.

Огородъ.

У насъ въ деревнѣ у всѣхъ крестьянъ свои огороды, но лучше всѣхъ огородъ у Назарыча. Никто въ деревнѣ не умѣетъ такъ хорошо ходить за огородомъ, какъ Назарычъ; никто не знаетъ такъ хорошо, когда время сѣять и садить овощи, что рѣдко садить надо, что часто, что надо много поливать, что солнце любить, что тѣнь.

Зато ни у кого въ деревнѣ нѣтъ такихъ вкусныхъ огурцовъ, такой крупной капусты, такой сладкой моркови и свеклы, какъ у Назарыча, — понадобится ли кому укропу или чесноку для соленія огурцовъ, можно смѣло итти къ Назарычу: у него навѣрное все найдется.

Не мало и работаетъ Назарычъ въ своемъ огородѣ. Какъ только стаетъ снѣгъ и подсохнетъ земля, онъ цѣлые дни возится въ огородѣ, — пашеть огородъ, боронить. Какъ пухъ землю раздѣляетъ онъ, потомъ гряды надѣляетъ, сѣмена овощей посеетъ, посадить капустную рассаду и усердно поливаетъ огородъ, пока сѣмена не взойдутъ, пока капуста не окрѣпнетъ.

Зато лѣтомъ работы въ огородѣ уже меньше: нужно только полоть почаше гряды да поливать ихъ въ сильные жары. Въ этихъ работахъ Назарычу помогаютъ его дѣти. Зато вотъ ужъ веселая пора придетъ, когда все поспѣвать на огородѣ начинается: то горохъ и бобы поспѣли, то морковь, рѣпа, а тамъ и огурцы готовы.

Добрый дѣдушка Назарычъ, онъ и насъ, сосѣдскихъ ребятишекъ, часто со своего огорода угощаетъ. Зато ужъ его огорода мы никогда и не трогаемъ!

Яблонька.

Что ты, яблонька моя, яблонька,
Яблонька моя зеленая,
Не цвѣла ты прошлою весною,
Не плодила сладкихъ яблочковъ?
— Худо была я, яблонька, поливана,
Худо была я, зеленая, лелѣяна:
Оттого не плодила я яблочковъ.—
Стану я сама тебя, яблонька, поливати,
Сама стану тебя, зеленая, лелѣяти,
Сама вѣточки обчищати,
Сама червячковъ обметати.

Цвѣты, листья, плоды и корни.

Растетъ въ саду старая яблоня. Пришла весна, развернулись почки, и опушилась яблоня нѣжными блѣдно-зелеными листочками. Говорятъ листочки старой яблонѣ: «Мы всему дереву краса!» Улыбнулась яблоня и сказала: «Поживемъ, такъ увидимъ!»

Пришло время, покрылась яблоня бѣло-розовыми душистыми цвѣточками. Вьются пчелки около цвѣточковъ. Радуются на цвѣточки и люди. Говорятъ цвѣточки старой яблонѣ: «Мы всему дереву краса!» Улыбнулась старая яблоня и сказала: «Поживемъ, такъ увидимъ!»

Не долго красовались цвѣточки: скоро они завяли и опали, а на мѣсто ихъ появилась некрасивая зеленая завязь. Прошло лѣто, наступила осень. На яблонѣ среди желтѣющихъ листьевъ изъ завязи вырѣли большія румяныя яблоки.

— Мы всему дереву краса,—сказали тогда яблоки:—изъ смѣчекъ, что таятся въ насъ, вырастутъ новыя яблоньки нашей матери на смѣну. Хвалятъ и люди насъ, сочныя, сладкія яблоки, говорятъ спасибо старой яблонѣ, сколько яблочекъ уродила.

— А о насъ-то вы и забыли,—сказали изъ-подъ земли корни:—не будь бы насъ, не выросли бы и вы, сладкія яблочки.

— Всѣ вы мнѣ и другъ дружкѣ одинаково нужны,—сказала яблоня.—Листьевъ и корней не будетъ—всѣ мы съ голоду помремъ; цвѣтовъ не будетъ—яблочки не родятся. А яблочки не родятся—не останется послѣ меня новыхъ яблонекъ мнѣ на смѣну.

Мой зеленый садъ.

Зеленѣйся, зеленѣйся,	Сударь-батюшка родимый.
Мой зеленый садъ;	Будетъ по саду ходити,
Расцвѣтайте, расцвѣтайте,	Спѣлы ягоды щипати,
Мои алыя цвѣточки;	Меня младу похваляти,
Поспѣвайте, поспѣвайте,	Что горазда садъ садити,
Вкусны ягоды, скорѣй:	Что горазда поливати,
Ко мнѣ будетъ, ко мнѣ будетъ	Отъ морозу укрывати.

Старикъ и яблони.

Старикъ сажалъ яблони. Ему сказали:

— Зачѣмъ тебѣ эти яблони? Долго ждать съ этихъ яблонь плода, и ты не съѣшь съ нихъ яблочка.

Старикъ сказалъ:

— Я не съѣмъ, другіе съѣдятъ, мнѣ спасибо скажутъ.

Чижъ.

Подарилъ дядя Сережѣ сѣтку, чтобъ птицъ ловить. Обрадовался Сережа, прибѣжалъ къ матери показать сѣтку. Мать говорить:

— Не хороша игрушка. На что тебѣ птички? Зачѣмъ ты ихъ мучить будешь?

— Я ихъ въ клѣтку посажу. Онѣ будутъ пѣть, а я ихъ буду кормить!

Досталъ Сережа сѣмя, насыпалъ на дощечку и выставилъ сѣтку въ садъ. И все стоялъ, ждалъ, что птички прилетятъ. Но птицы его боялись и не летѣли на сѣтку. Пошелъ Сережа обѣдать и сѣтку оставилъ. Поглядѣлъ послѣ обѣда—сѣтка захлопнулась, и подъ сѣткою бѣется птичка. Сережа обрадовался, поймалъ птичку и понесъ домой.

— Мама! посмотри, я птичку поймалъ. Это, вѣрно, соловей! И какъ у него сердце бѣется!

Мать сказала:

— Это чижъ. Смотри же, не мучай его, а лучше пусти.

— Нѣтъ, я его кормить и поить буду.

Посадилъ Сережа чижа въ клѣтку и два дня сыпалъ ему сѣмя, ставилъ воду и чистилъ клѣтку. На третій день онъ забылъ про чижа и не перемѣнилъ ему воду.

Мать ему и говорить:

— Вотъ видишь, ты забылъ про свою птичку; лучше пусти ее.

— Нѣтъ, я не забуду; я сейчасъ поставлю воды и вычищу клѣтку.

Засунулъ Сережа руку въ клѣтку, сталъ чистить, а чижику испугался, бѣется о клѣтку. Сережа вычистилъ клѣтку и пошелъ за водой. Мать увидала, что онъ забылъ закрыть клѣтку, и кричитъ ему:

— Сережа, закрой клѣтку, а то вылетитъ и убьется твоя птичка.

Не успѣла она сказать, чижику нашель дверку, обрадовался, распустилъ крылышки и полетѣлъ черезъ горницу къ окошку. Да не видалъ стекла, ударился о стекло и упалъ на подоконникъ.

Прибѣжалъ Сережа, взялъ птичку, понесъ ее въ клѣтку. Чижику

былъ еще живъ, но лежалъ на груди, распутивши крылышки, и тяжело дышалъ. Сережа смотрѣлъ-смотрѣлъ и началъ плакать.

— Мама! что мнѣ теперь дѣлать?

— Теперь ничего не сдѣлаешь.

Сережа цѣлый день не отходилъ отъ клѣтки и все смотрѣлъ на чижику, а чижику все такъ же лежалъ на груди и тяжело и скоро дышалъ. Когда Сережа пошелъ спать, чижику еще былъ живъ. Сережа долго не могъ заснуть: всякій разъ, какъ онъ закрывалъ глаза, ему представлялся чижику, какъ онъ лежитъ и дышитъ. Утромъ, когда Сережа подошелъ къ клѣткѣ, онъ увидаль, что чижъ уже лежитъ на спинкѣ, поджавъ лапки, и заостенѣлъ.

Пойманная птичка.

Дѣти.

А, попалась, птичка, стой!
Не уйдешь изъ сѣти;
Не разстанемся съ тобой
Ни за что на свѣтѣ.

Птичка.

Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ я вамъ,
Миленькія дѣти?
Отпустите полетать,
Развяжите сѣти.

Дѣти.

Нѣтъ, не пустимъ, птичка, нѣтъ,
Оставайся съ нами:
Мы дадимъ тебѣ конфетъ,
Чаю съ сухарями.

Птичка.

Ахъ, конфетъ я не клюю.
Не люблю я чаю:
Въ полѣ мошекъ я ловлю,
Зернышки собираю...

Дѣти.

Правда, правда, птичка! Ты
Не снесешь неволи...
Ну, Такъ Богъ съ тобой—лети
И живи на волѣ.

Дѣти.

Тамъ замерзнешь ты зимой
Гдѣ-нибудь на вѣткѣ;
А у насъ-то! Въ золотой
Будешь жить ты клѣткѣ!

Птичка.

О! не бойтесь: въ теплый край
Улечу зимою.
А въ неволѣ—свѣтлый рай
Будетъ мнѣ тюрьмою.

Дѣти.

Птичка, птичка, какъ любить
Мы тебя бы стали!
Не позволили бъ грустить,
Все бъ тебя ласкали.

Птичка.

Вѣрю, дѣтки, но для насъ
Вредны ваши ласки:
Съ нихъ закрыла бы какъ разъ
Я навѣки глазки.

Товарищи.

Собрались Алешины товарищи на соседнюю ярмарку и стали звать его съ собою. Ярмарки этой всё ждали давно, как великаго праздника. Алеша сказалъ: «Теперь мнѣ недосугъ, приду послѣ»,—и не пришелъ. Товарищи потомъ узнали, что онъ весь тотъ день просидѣлъ у больного товарища.—«Какъ же это ты?—спрашивали они его:—вѣдь такого праздника не скоро дождешься... хоть бы позднѣе собрался».—«Да я и хотѣлъ притти,—отвѣчалъ Алеша,—а ужъ не знаю, какъ это случилось. Зашелъ-то я къ Колѣ не надолго; вѣдь онъ почти оправился... вотъ только ходить не можетъ. Онъ прежде все горевалъ, что не можетъ быть на ярмаркѣ, а какъ увидѣлъ меня, такъ обрадовался, чуть не заплакалъ отъ радости! Ну, и мнѣ тутъ стало весело,—заговорился я съ нимъ, такъ что забылъ и о ярмаркѣ».

Осень.

Осень наступила,	Туча небо кроетъ;
Высохли цвѣты,	Солнце не блеститъ;
И глядятъ уныло	Вѣтеръ въ полѣ воетъ.
Голые кусты.	Дождикъ мороситъ.
Вянеть и желтѣетъ	Зашумѣли воды
Травка на лугахъ,	Быстраго ручья,
Только зеленѣетъ	Птички улетѣли
Озимь на поляхъ.	Въ теплые края.

Осень пришла.

Вотъ и лѣто прошло. Дни стали короче. Стало холодно. Нынче меня мама не пустила на улицу. Цѣлый день дождь идетъ, а вѣтеръ такъ и воетъ, такъ и воетъ. Птички всё какія попрятались, какія разлетѣлись въ теплыя страны. Цвѣточковъ ужъ нѣтъ, да и трава пожелтѣла. Бабочекъ, жучковъ, мошекъ,—никого не видать, вѣрно всё попрятались, кто куда могъ, отъ сырости и холода.

У нашего крыльца стоитъ березка; листочки съ нея всё вѣтромъ сорвало. На поляхъ всё работы уже кончились, рожь свезли въ овины. А кое-кто изъ мужиковъ ужъ молотить и вѣять принялся. Изъ огородовъ почти всё овощи выкопали. Сегодня мать съ старшей сестрой картошку копаютъ.

На улицѣ грязь; скучно. Я съ сестренкой залѣзъ на печку, и

стали мы изъ лучинокъ домики строить. Пришелъ братъ изъ школы, сталъ намъ книжку читать.

*Осенніе мѣсяцы: сентябрь, октябрь, ноябрь.
Какія плоды зрѣютъ осенью?*

Въ октябрѣ.

Солнце спряталось за тучи,
 Вѣтеръ сильный,
 холодно,
 Листья сыплются,
 и въ кучи
 Вѣтромъ все ихъ
 намело.

Лѣсъ такъ жалобно шумить;
 Небо тучами закрыто,
 Небо дождикомъ грозитъ.
 Птички все прижились въ полѣ,
 Рыбки спрятались на дно.
 Всемъ и въ полѣ, какъ въ не-
 вольѣ—

Рѣчка ходитъ такъ сердито,

Холодно, всемъ холодно.

Огонь.

Ходилъ дядя Семень на болото, продрогъ, промокъ, проголодался. Вышелъ онъ уже къ ночи на сухое мѣсто въ лѣсокъ, на-

бралъ хворосту, вынулъ изъ кармана огниво, высѣкъ огонекъ и развелъ костеръ. Тутъ онъ обогрѣлся, обсохъ и въ маленькомъ чугункѣ, что взялъ съ собою, сварилъ себѣ похлебку. Ъсть онъ да раздумываетъ:

«Славное дѣло этотъ огонекъ! Безъ него ни хлѣба спечь, ни щей сварить, ни обогрѣться. А сколько работы надѣлаеть онъ въ кузницѣ да на заводѣ! Не будь огня, какъ бы намъ сработать изъ желѣза и подкову, и соху, и топоръ? Правда, иной разъ и бѣда бываетъ отъ огня, да больше по нашей же винѣ, по нашему глупому нерадѣнію».

Какая бѣда бываетъ отъ огня?

Солнце и вѣтеръ.

Заспорили разъ солнце и холодный вѣтеръ, кто изъ нихъ сильнѣе. Долго спорили, а переспорить другъ друга не могли. Только смотря: ѣдетъ человекъ верхомъ въ полѣ, и рѣшили на немъ свою силу показать.

— Посмотри,—сказалъ вѣтеръ,—какъ налечу на него, мигомъ сорву съ него платье.

И началъ дуть, что было мочи. Чѣмъ больше старался вѣтеръ, тѣмъ лучше запахивалъ полы кафтана всадникъ, жаловался на вѣтеръ, а самъ ѣхалъ все дальше да дальше. Вѣтеръ сердился, осыпалъ человека дождемъ и снѣгомъ, а онъ только взялъ поясъ да подпоясалъ кафтанъ потуже. Тутъ ужъ увидѣлъ вѣтеръ, что ему кафтана не сдернуть. А солнце улыбнулось, выглянуло изъ-за тучи, обсушило, обогрѣло землю и человека. Обрадовался человекъ солнцу, снялъ кафтанъ и положилъ подъ себя.

— Видишь,—сказало тогда солнце сердитому вѣтру:—доброю больше сдѣлаешь, чѣмъ злою.

Филипокъ.

Былъ мальчикъ, звали его Филипкъ. Пошли разъ всѣ ребята въ школу. Филипкъ взялъ шапку и хотѣлъ тоже итти. Но мать сказала ему: «Куда ты, Филипокъ, собрался?»—«Въ школу».—«Ты еще малъ, не ходи», и мать оставила его дома.

Ребята ушли въ школу. Отецъ еще съ утра уѣхалъ въ лѣсъ, мать ушла на работу. Остались въ избѣ Филипокъ да бабушка на печкѣ. Стало Филипку скучно одному: бабушка заснула; а онъ сталъ искать шапку; своей не нашель, взялъ старую отцовскую и пошелъ въ школу.

Школа была за селомъ. Когда Филипокъ вышелъ къ чужимъ дворамъ, выскочила Жучка, залаяла, а за Жучкой большая собака Волчокъ. Филипокъ бросился бѣжать, собаки за нимъ. Филипокъ сталъ кричать, споткнулся и упалъ.

Вышелъ мужикъ, отогналъ собакъ и сказалъ: «Куда ты, карапузь, одинъ бѣжишь?» Филипокъ ничего не сказалъ, подобралъ полы и пустился бѣжать во весь духъ.

Прибѣжалъ онъ къ школѣ. На крыльцѣ никого нѣтъ, а въ школѣ слышно—гудятъ голоса ребятъ. На Филипка нашелъ страхъ; онъ подумалъ: «Что какъ учитель меня прогонитъ?» И сталъ думать, что ему дѣлать. Назадъ итти, опять собака заѣстъ, въ школу итти—учителя боится.

Шла мимо школы баба съ ведромъ и говорить: «Всѣ учатся, а ты что тутъ стоишь?» Филипокъ и пошелъ въ школу. Въ сѣнцахъ снялъ шапку и отворилъ дверь. Школа вся была полна ребятъ. Всѣ учили свое, и учитель ходилъ по серединѣ.

— «Ты что?—спросилъ онъ Филипка. Филипокъ ухватился за шапку и ничего не говорилъ.—Да кто ты?—Филипокъ молчалъ.— Или ты нѣмой?—Филипокъ такъ напугался, что говорить не могъ.— Ну, такъ иди домой, коли говорить не хочешь».—Филипокъ и радъ бы что сказать, да въ горлѣ у него отъ страха пересохло. Онъ посмотрѣлъ на учителя и заплакалъ. Тогда учителю жалко его стало. Онъ погладилъ его по головкѣ и спросилъ у ребятъ, кто этотъ мальчикъ.

— «Это Филипокъ, Костюшкинъ братъ; онъ давно просится въ школу, да мать не пускаетъ его; онъ украдкой пришелъ въ школу».

— «Ну, садись на парту, возлѣ брата, а я твою мать попрошу, чтобы пускала тебя въ школу».

Учитель сталъ показывать Филипку буквы, а Филипокъ ихъ уже зналъ и немножко умѣлъ читать.

— «Ну-ка сложи свое имя».

Филипокъ сказалъ:—«Хве-и-хве-ле-и-ли-пеокъ-покъ». Всѣ засмѣялись.

— «Молодецъ!—сказалъ учитель.—Кто же тебя училъ читать?»

Филипокъ осмѣялся и сказалъ: «Костюшка. Я бѣдовый; я сразу все понялъ. Я страсть какой ловкій!» Учитель засмѣялся и далъ ему еще прочесть. Но Филипокъ всякое слово говорилъ не какъ и буквы путалъ. Учитель остановилъ его и сказалъ: «Ты погоди хвалиться, а прежде поучись».

Съ тѣхъ поръ Филипокъ сталъ ходить съ ребятами въ школу.

Примѣты зимы.

Проснулся я утромъ, посмотрѣлъ въ окно: вся земля, крыши, деревья—все было бѣло отъ снѣга.

— Мама, мама, зима пришла, гдѣ мои сани?

Я выпилъ скорѣй молока, надѣлъ полушубокъ и валенки и выбѣжалъ на дворъ. На дворѣ собралось много ребятъ. Стали мы снѣжками бросаться.

Позвалъ насъ Федюшка на рѣчку. А рѣчка застыла, на ледъ уже снѣгу навалило. Только еще кататься по ней нельзя было, ледъ проламывается.

Мы такъ разыгрались на дворѣ, что я и не замѣтилъ, какъ время обѣда подошло, и мама пришла звать меня обѣдать. Пока обѣдали, пока я съ сестренками поигралъ, вечеръ наступилъ. Зимой дни короткіе, ночи длинныя.

Настала настоящая зима. Стало холодно. Да еще какъ холодно! Намело сугробы снѣгу. Метель воетъ. Птицы, которыя остались у насъ на зиму, наохлились, жмутся поближе къ человѣку, ищутъ разныхъ остатковъ отъ его ѣды. Звѣри въ норы попрятались. Жучки, мухи тоже или перемерли, или забились въ укромные уголки и за-

снули. Люди теплыя шубы одѣли, избы обложили навозомъ да соломой, чтобы теплѣе было. У насъ каждый день жарко топятъ печи.

Зимніе мѣсяцы: декабрь, январь, февраль.

Сирота.

Вечеръ былъ, сверкали звѣзды,
На дворѣ морозъ трещаль;
Шель по улицѣ малютка,
Посинѣлъ и весь дрожалъ.
«Боже!—говорилъ малютка,—
Я прозябъ и ѣсть хочу;
Кто жъ согрѣетъ и накормитъ,
Боже добрый, сироту?»
Шла дорогой той старушка,
Услыхала сироту,

Приютила и согрѣла,
И поѣсть дала ему;
Спать въ постельку положила.
«Какъ тепло!» промолвилъ онъ;
Закрывъ глазки, улыбнулся
И заснулъ спокойнымъ сномъ.
Богъ и птичку въ полѣ кормитъ
И кропитъ росой цвѣтокъ,
Безприютнаго сиротку
Также не оставитъ Богъ.

Сиротка Катя.

Умерла у Кати мать, умеръ и отецъ. Осталась Катя круглой сиротой. Только и было у Кати родныхъ, что дядя съ теткой, да и тѣ очень бѣдные. Дядя и говорить своей женѣ: «Возьмемъ Катюшу къ себѣ». — «Полно!—говорить тетка.—Возьмемъ Катюшу, не на что будетъ и соли купить, похлебку посолить!» — «А мы ее... и несоленую, похлебку-то», — отвѣтилъ мужикъ. Такъ дядя и взялъ къ себѣ жить сиротку Катю.

Левъ и мышъ.

(ВАСНЯ).

Левъ спалъ. Мышь пробѣжала ему по тѣлу. Онъ проснулся и поймалъ ее. Мышь стала просить, чтобы онъ пустилъ ее; она сказала:

— Пусти меня. Можетъ-быть, и я тебѣ на что пригожусь.

Левъ засмѣялся, что мышъ можетъ ему на что пригодиться, и пустилъ ее.

Потомъ охотники разставили для льва сѣти, и онъ запутался въ нихъ.

Мышь услышала львиный ревъ, прибѣжала, перегрызла сѣть и сказала:

— Помнишь, ты смѣялся, не думалъ, чтобы я могла тебѣ помочь, а теперь видишь, — и я, малая мышка, тебѣ пригодилась.

Голодная птичка.

Слышишь, мама: у окошка	Отвори окно ей, мама!
Кто-то жалобно пищить?	Пусть она сюда влетитъ!
Посмотри! Тамъ птичка-крошка	Посмотри, съ какой мольбою
Вся озябшая сидитъ!	На меня она глядитъ!
Въ полѣ нѣтъ теперь ужъ мошекъ—	Птичка милая, лети же
Вѣрно, птичка голодна?	Смѣло въ комнатку мою!
Вѣрно, ждетъ, что хлѣбныхъ крошекъ	Я тебя здѣсь отогрѣю,
Брошу я ей изъ окна?	Накормлю и напою!

Свой уголь.

Идетъ мужикъ за возомъ по морозу, хлопаетъ рукавицами и думаетъ про себя: «Хорошо бы теперь сидѣть дома въ теплой хатѣ».

Рыскаетъ звѣрь по лѣсу, зябнетъ на морозѣ и думаетъ: «Хорошо бы теперь лежать въ тепломъ логовѣ».

Летѣла птица по поднебесью, била птицу вьюга-метель, спускалась птица въ кусты и думала: «Хорошо бы теперь сидѣть въ тепломъ гнѣздынкѣ».

Старушка-нищая.

Бушуетъ метель, у церковнаго входа
 Старушка въ лохмотьяхъ стоитъ.
 Бѣдняжка, ждетъ хлѣба она... Непогода
 Лохмотья ея шевелить.
 Стоитъ и весной и зимою ненастной
 Она у церковныхъ дверей,
 Слѣпая, одна... Помогите несчастной,
 Подайте хоть что-нибудь ей.

Два мороза.

Гуляли по чистому полю два мороза, два родные брата, съ ноги на ногу поскакивали, рукой объ руку поколачивали. Говорить одинъ морозъ другому:

— Братецъ морозъ, Багровый носъ! Какъ бы намъ позабавиться, людей поморозить?

Отвѣчаетъ другой:

— Братецъ морозъ, Синій носъ! Коль людей морозить, не по чистому намъ полю гулять. Поле все снѣгомъ занесло, всѣ проѣзжія дороги замело: никто не пройдетъ, не проѣдетъ. Побѣжимъ-ка лучше къ частому бору. Тамъ хоть и меньше простору, да зато забавы будетъ больше. Все нѣтъ-нѣтъ да кто-нибудь и встрѣтится на дорогѣ.

Сказано—сдѣлано. Побѣжали два мороза, два родные брата, въ частый боръ. Бѣгутъ, дорогой тѣшатся, съ ноги на ногу попрыгиваютъ, по елкамъ, по сосенкамъ пощелкиваютъ. Старый ельникъ трещить, молодой соснякъ поскрипываетъ. По рыхлому снѣгу пробѣгутъ—кора ледяная; былинка ль изъ-подъ снѣгу выглядываетъ, дунуть—словно бисеромъ ее всю унижутъ. Послышали они съ одной стороны колокольчикъ, а съ другой—бубенчикъ: съ колокольчикомъ баринъ ѣдетъ, съ бубенчикомъ—мужичокъ. Стали морозы судить да рядить: кому за кѣмъ бѣжать, кому кого морозить. Морозъ Синій носъ, какъ былъ помоложе, говоритъ:

— Миѣ бы лучше за мужичкомъ погнаться. Его скорѣй дойму: полушубокъ старый, заплатанный, шапка вся въ дырахъ, на ногахъ, кромѣ лаптишекъ, ничего нѣтъ. А ужъ ты, братецъ, какъ посиленѣе меня, за бариномъ бѣги. На немъ, вишь, шуба медвѣжья, шапка лисья, сапоги волчьи. Миѣ ужъ съ нимъ не совладать.

Морозъ Багровый носъ только подсмѣивается.

— Молодъ еще ты,—говоритъ,—братецъ! Ну, да ужъ быть потвоему: бѣги за мужичкомъ, а я побѣгу за бариномъ. Какъ сойдемся подъ вечеръ, узнаемъ, кому легка была работа, кому тяжела. Прощай покамѣстъ!

— Прощай, братецъ!

Свистнули, щелкнули, побѣжали...

Только солнышко закатилось, сошлись они опять на чистомъ полѣ спрашивать другъ друга: что?

— То-то, я думаю, намаялся ты, братецъ, съ бариномъ-то,—говоритъ младшій,—а толку, глядишь, не вышло никакого. Гдѣ его было пронять!

Старшій посмѣивается себѣ.

— Эхъ,—говоритъ,—братецъ морозъ, Синій носъ! Молодъ ты и простъ. Я его такъ уважилъ, что онъ часъ будетъ грѣться, не отогрѣется.

— А какъ же шуба-то, шапка-то да сапоги-то?

— Не помогли. Забрался я къ нему въ шубу и въ шапку и въ сапоги, да какъ началъ знобить!.. Онъ-то ежится, онъ-то жметса да кутается, думаетъ: дай-ка я ни однимъ суставомъ не шевельнусь, авось меня тутъ морозъ не одолѣетъ. Анъ не тутъ-то было! Мнѣ-то это съ руки. Какъ принялся я за него, чуть живого въ городѣ изъ повозки выпустилъ. Ну, а ты что съ своимъ мужичкомъ сдѣлалъ?

— Эхъ, братецъ морозъ, Багровый носъ, плохую ты со мной шутку спутилъ, что во-время не образумилъ. Думалъ, заморожу мужика, вышло—онъ же мнѣ обломалъ бока.

— Какъ такъ?

— Да вотъ какъ. Вхалъ онъ, самъ ты видѣлъ, дрова рубить. Дорогой началъ было я его пронимать, только онъ все не робѣеть,—еще ругается: такой, говорить, сякой этотъ морозъ! Совсѣмъ даже обидно стало; принялся я его пуще щипать да колоть. Только не надолго была мнѣ эта забава. Приѣхалъ онъ на мѣсто, вылѣзъ изъ саней, принялся за топоръ. Я-то думаю, тутъ мнѣ и сломить его. Забрался къ нему подъ полушубокъ, давай его язвить. А онъ-то топоромъ машетъ, только щепки летятъ, сталь даже потъ его прошибать. Вижу—плохо, не усидѣть мнѣ подъ полушубкомъ. Подъ конецъ инда паръ отъ него повалилъ. Я прочь поскорѣе. Думаю: какъ быть?

А мужикъ все работаетъ да работаетъ: чѣмъ бы забнуть, а ему жарко стало. Гляжу, скидаетъ съ себя полушубокъ. Обрадовался я. Погоди же,—говорю,—вотъ я тебѣ покажу себя! Полушубокъ весь мокрехонекъ. Я въ него и забрался, вездѣ и заморозилъ такъ, что онъ сталь лубокъ-лубкомъ. Надѣвай же теперь, попробуй! Какъ покончилъ мужикъ свое дѣло да подошелъ къ полушубку, у меня сердце такъ и взыграло: то-то потѣшусь. Посмотрѣлъ мужикъ и принялся меня бранить. Ругайся, думаю я себѣ, ругайся, а меня все-таки не выживешь! А онъ выбралъ палку подлиннѣе да посучковатѣе, да какъ примется по полушубку бить! По полушубку бьетъ, а меня все бранить. Мнѣ бы бѣжать поскорѣе, да ужъ больно я въ шерсти завязъ, выбраться и не могу. А онъ-то колотить! Насилу я ушелъ, думалъ костей не сберу; до сихъ поръ бока ноютъ.

Четыре желанія.

1. Была зима. Митя устроилъ снѣжнаго болвана, накатался на саночкахъ съ ледяной горы и на конькахъ по замерзшей рѣкѣ, прибѣжалъ домой, румяный, веселый, и говорить отцу:

— Ужъ какъ весело зимою! Я бы хотѣлъ, чтобы все была зима.

Отецъ записалъ эти слова Мити въ свою карманную книжку.

2. Пришла весна. Митя вволю набѣгался по зеленому лугу, нарвалъ цвѣтовъ, прибѣжалъ къ отцу и говорить:

— Что за прелесть эта весна! Я бы желалъ, чтобы постоянно была весна.

Отецъ записалъ это желаніе Мити.

3. Настало лѣто. Митя съ отцомъ отправились на сѣнокосъ.

Весь длинный день веселился мальчикъ: набралъ грибовъ, ягодъ, кувыркался въ душистомъ сѣнѣ, а вечеромъ сказалъ отцу:

— Я бы желалъ, чтобы лѣту и концане было!

Отецъ записалъ и эти слова Мити.

4. Наступила осень.

Въ саду собирали плоды: румяныя яблоки и желтыя груши. Митя былъ въ восторгѣ и говорилъ отцу:

— Осень лучше всѣхъ временъ года!

Отецъ развернулъ свою записную книжку и показалъ Митѣ, что онъ то же самое говорилъ о веснѣ, о зимѣ и о лѣтѣ.

Дѣвочка и часы.

На стѣнѣ висѣли старыя часы, а передъ ними стояла маленькая дѣвочка и спрашивала:

— Скажите мнѣ, часики, для чего вы тутъ висите?.. Только и слышно отъ васъ, что тикъ-тикъ да тикъ-тикъ, а иногда, динь, динь, динь!..

— Я вещь очень важная и нужная для людей, — отвѣтили часы. — Когда я шестьдесятъ разъ повторю тикъ-такъ, то это значить, что прошла *минута*.

Теперь посмотри хорошенько на меня. Видишь ли у меня два пальца: одинъ длиннѣе, другой короче. Ими я показываю на черточки и цифры въ кружкѣ.

Съ каждою минутой мой длинный палецъ подвигается впередъ на одну черточку. По краямъ кружка всего шестьдесятъ такихъ черточекъ. Когда длинный палецъ обошелъ кружокъ, то это значить что прошло 60 минутъ, или *часъ*. И тогда короткій палецъ показываетъ на слѣдующую цифру. А чтобы людямъ легче было замѣчать

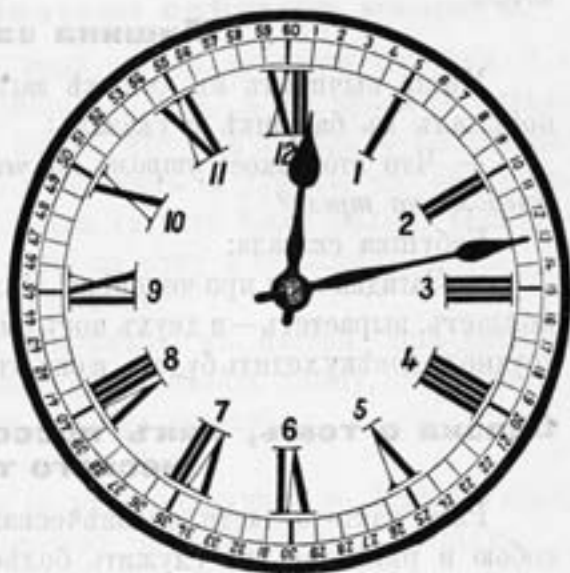
это, то я каждый раз молоточкомъ ударяю по колокольчику. Я иду день и ночь, безъ отдыха, развѣ только забудутъ меня завести. Мои стрѣлки показываютъ минуту за минутой, часъ за часомъ. Въ одинъ день и ночь моя длинная стрѣлка обойдетъ кругомъ 24 раза, покажетъ 24 часа.

День да ночь люди зовутъ *сутки*. Пройдетъ семь сутокъ,— значить, прошла *недѣля*. Изъ недѣль составляются *мѣсяцы*. Изъ мѣсяцевъ составляются *годы*.

Такъ я все иду впередъ, и колокольчикъ мой напоминаетъ вамъ, что теперь надо дѣлать: лечь спать или вставать, когда надо идти твоей сестрѣ въ школу, а отцу на службу, когда надо давать обѣдъ.

Какія вы знаете части сутокъ? Сколько дней въ недѣль? Какъ они называются? Сколько въ году мѣсяцевъ? Какъ они называются?

Стучитъ, звенитъ, одно твердитъ: тикъ-такъ, тикъ-такъ, трудится всякъ.—День да ночь—сутки прочь.—Скученъ день до вечера, коли дѣлать нечего

Утромъ.

Румяной зарею
Покрылся востокъ;
Въ селѣ за рѣкою
Потухъ огонекъ;
Росой окропились
Цвѣты на поляхъ;
Стада пробудились
На мягкихъ лугахъ.

Сѣдые туманы
Плывутъ къ облакамъ.
Гусей караваны
Несутся къ лугамъ.
Проснулись люди,
Спѣшать на поля.
Явилось солнце;
Ликуетъ земля.

Вечеромъ.

Когда солнце утомится
И погаснетъ за рѣкой,
Время и тебѣ лечь спать
Въ колыбель, сыночекъ мой.

Вмѣстѣ съ солнцемъ начинаютъ
И цвѣточки засыпать,
И всѣ птички прилетаютъ
Въ теплыхъ гнѣздахъ отдыхать.

И, простясь тогда съ цвѣтами, Лишь ручей неугомонный
Пчелка въ улей свой летить. Все бѣжить, шума, впередъ,
И кузнечикъ надъ полями Да соловушка безсонный
Уже больше не трещить. Въ роцѣ надъ водой поеть...

Что бываетъ съ солнцемъ днемъ, вечеромъ, ночью? Что свѣтитъ ночью? Что дѣлаютъ люди, зври и птицы утромъ, днемъ, вечеромъ, ночью?

Мишина загадка.

Миша вычиталъ въ книжкѣ загадку и не могъ разгадать. Онъ побѣжалъ къ бабушкѣ и сказалъ:

— Что это такое: *утромъ на четырехъ, въ полдень на двухъ, а вечеромъ на трехъ?*

Бабушка сказала:

— Загадка твоя про человѣка. Мальчовѣкъ—на четверенькахъ ползаетъ, вырастетъ—и двухъ ногъ ему довольно. А придетъ старость, трудно человѣку ходить будетъ, и онъ въ подмогу ногамъ костыль беретъ.

Сказка о томъ, какъ поссорились части человѣческаго тѣла.

Разъ какъ-то части человѣческаго тѣла перессорились между собою и рѣшили не служить болѣе другъ другу.

Ноги сказали: «Почему это мы должны носить все тѣло? Пусть-ка оно безъ насъ обойдется».

Руки также сказали: «И мы не хотимъ работать для другихъ».

Ротъ проворчалъ: «Глупъ же я буду, если ни за что, ни про что стану пережевывать пищу для желудка, чтобы онъ ее потомъ переваривалъ, развалившись, какъ важный баринъ. Нѣтъ, я тебѣ больше не слуга! Обойдись безъ меня, какъ знаешь».

Глаза также удивлялись, почему они должны смотрѣть за все тѣло и стоять безпрестанно на стражѣ.

Такъ перессорились между собою всѣ части человѣческаго тѣла и рѣшили не служить болѣе другъ другу. Что же случилось? Такъ какъ ноги не хотѣли ходить, руки перестали работать, ротъ пересталъ ѣсть и глаза закрылись, то все тѣло, оставшись безъ движенія и пищи, начало слабѣть, хирѣть и чуть не умерло. Всѣмъ частямъ тѣла плохо пришлось, и пришлось бы еще хуже, если бы онѣ не догадались, какъ глупо онѣ поступили.

«Нѣтъ, такъ жить нельзя»,—подумали онѣ и помирились. Стали попрежнему работать другъ на друга,—и все тѣло опять поправилось и сдѣлалось здоровымъ и сильнымъ.

Какія вы знаете части человѣческаго тѣла?

Хромой и слѣпой.

Приходилось хрому и слѣпому переходить черезъ быстрый ручей. Слѣпой взялъ хромого на плечи, и оба перешли ручей благополучно.

Почему хрому и слѣпому было порознь опасно переходить черезъ ручей? Чѣмъ они помогали другъ другу?

Какъ я пересталъ бояться слѣпыхъ нищихъ.

Когда я былъ маленькій, меня пугали слѣпыми нищими, и я боялся ихъ. Одинъ разъ я пришелъ домой, а на крыльцѣ сидѣло двое слѣпыхъ нищихъ. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать; я боялся бѣжать назадъ и боялся пройти мимо нихъ: я думалъ, что они схватятъ меня. Вдругъ одинъ изъ нихъ (у него были бѣлые, какъ молоко, глаза) поднялся, взялъ меня за руку и сказалъ:

— Паренекъ! что же милостыньку?

Я вырвался отъ него и прибѣжалъ къ матери. Она выслала со мною денегъ и хлѣба. Нищія обрадовались хлѣбу, стали ѣсть.

Потомъ нищій съ бѣлыми глазами сказалъ:

— Хлѣбъ твой хорошій—спаси Богъ!

И онъ опять взялъ меня за руку и ощущалъ ее. Мнѣ его стало жалко, и съ тѣхъ поръ я пересталъ бояться слѣпыхъ нищихъ.

Левъ и собачка.

Въ одномъ городѣ показывали дикихъ звѣрей и за смотрѣнье брали деньгами или собаками и кошками на кормъ дикимъ звѣрямъ. Одному человѣку захотѣлось поглядѣть звѣрей; онъ ухватилъ на улицѣ собачонку и принесъ ее въ звѣринецъ. Его пустили смотрѣть, а собачонку взяли и бросили въ клѣтку ко льву на съѣденіе.

Собачка поджала хвостъ и прижалась въ уголъ клѣтки. Левъ подошелъ къ ней и понюхалъ ее. Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостомъ. Левъ тронулъ ее лапой и перевернулъ. Собачка вскочила и стала передъ львомъ на заднія лапки. Левъ смотрѣлъ на собачку, поворачивалъ голову со стороны на сторону и не трогалъ ея.

Когда хозяинъ бросилъ льву мясо, левъ оторвалъ кусокъ и оставилъ собакъ. Вечеромъ, когда левъ легъ спать, собачка легла подлѣ него и положила свою голову ему на лапу.

Съ тѣхъ поръ собачка жила въ одной клѣткѣ со львомъ; левъ не трогалъ ея, ѣлъ кормъ, спалъ съ ней вмѣстѣ, а иногда игралъ съ ней.

Одинъ разъ пришелъ въ звѣринецъ человекъ и узналъ свою собачку; онъ просилъ хозяина звѣринца отдать ему собаку. Хозяинъ хотѣлъ отдать, но какъ только стали звать собачку, чтобы взять ее изъ клѣтки, левъ оцетинился и зарычалъ.

Такъ прожили левъ и собачка цѣлый годъ въ одной клѣткѣ. Черезъ годъ собачка заболѣла и издохла. Левъ пересталъ ѣсть и все нюхалъ, лизалъ собачку и трогалъ ее лапой.

Когда онъ понималъ, что она умерла, онъ вдругъ прыгнулъ, оцетинился, сталъ хлестать себя хвостомъ по бокамъ, бросился на стѣну клѣтки и сталъ грызть засовы и рѣшетки.

Цѣлый день онъ бился, метался по клѣткѣ и ревѣлъ; потомъ легъ подлѣ мертвой собачки и затихъ. Хозяинъ хотѣлъ унести мерт-

вую собаку, но левъ никого не подпускалъ къ ней.

Хозяинъ думалъ, что левъ забудетъ свое горе, если ему дать другую собаку, и пустилъ къ нему въ клѣтку живую собаку; но левъ тотчасъ разорвалъ ее на куски. Потомъ онъ обнялъ своими лапами мертвую собачонку и такъ лежалъ пять дней.

На шестой день левъ умеръ.

Сказка о рыбацкѣ и рыбацкѣ.

Жилъ старикъ со своею старухой у самаго синяго моря; они жили въ ветхой землянкѣ ровно тридцать лѣтъ и три года. Старикъ ловилъ неведомъ рыбу, а старуха пряла свою пряжу. Разъ онъ въ море закинулъ неводъ, пришелъ неводъ съ одною тиной; онъ въ другой разъ закинулъ неводъ, пришелъ неводъ съ травой морскою; въ третій разъ закинулъ онъ неводъ, пришелъ неводъ съ золотою

рыбкой, съ непростою рыбкой, золотою. Какъ взмолился золотая рыба, голосомъ молвить человѣчьимъ:

«Отпусти ты, старче, меня въ море, дорогой за себя дамъ выкупъ: откуплюсь, чѣмъ только пожелаешь». Удивился старикъ, испугался: онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года и не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила. Отпустилъ онъ рыбку золотую и сказалъ ей ласковое слово: «Богъ съ тобою, золотая рыба! Твоего мнѣ откупа не надо; ступай себѣ въ синее море, гуляй тамъ себѣ на просторѣ».

Воротился старикъ ко старухѣ, raccontalъ ей великое чудо. Старика старуха забранила: «Дурачина ты, простофиля! Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки! Хоть бы взялъ ты съ нея корыто; наше-то совсѣмъ расколосось».

Вотъ пошелъ онъ къ синему морю. Видитъ: море слегка разыгралось. Сталъ онъ кликать золотую рыбку; приплыла къ нему рыба и спросила: «Чего тебѣ надобно, старче?» Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ: «Смилуйся, государыня рыба! Разбранила меня моя старуха, не даетъ старику мнѣ покою: надобно ей новое корыто, наше-то совсѣмъ расколосось». Отвѣчаетъ золотая рыба: «Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ! будетъ вамъ новое корыто».

Воротился старикъ ко старухѣ. У старухи новое корыто. Еще пуще старуха бранится: «Дурачина ты, простофиля! Выпросилъ, дурачина, корыто! Въ корытѣ много ли корысти? Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ; поклонись ей, выпроси ужъ избу».

Вотъ пришелъ онъ къ синему морю: помутилось синее море. Сталъ онъ кликать золотую рыбку; приплыла къ нему рыба, спросила: «Чего тебѣ надобно, старче?» Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ: «Смилуйся, государыня рыба! Еще пуще старуха бранится, не даетъ старику мнѣ покою: избу просить сварливая баба». Отвѣчаетъ золотая рыба: «Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ! такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ».

Пошелъ онъ къ своей землянкѣ,—а землянки нѣтъ ужъ и слѣда; передъ нимъ изба со свѣтелкой, съ кирпичною бѣленою трубою, съ дубовыми тесовыми воротами. Старуха сидитъ подъ окош-

комъ, на чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ: «Дурачина ты, простофиля! Выпросилъ, простофиля, избу! Воротись, поклонися рыбка: не хочу быть черною крестьянкой, хочу быть столбовою дворянкой!»

Пошелъ старикъ къ синему морю: неспокойно синее море. Сталъ онъ кликать золотую рыбку; приплыла къ нему рыбка, спросила: «Чего тебѣ надобно, старче?» Ей съ поклономъ старикъ

отвѣчаетъ: «Смилуйся, государыня рыбка! Пуще прежняго старуха вздурилась, не даетъ старику мнѣ покою: ужъ не хочетъ быть она крестьянкой, хочетъ быть столбовою дворянкой». Отвѣчаетъ золотая рыбка: «Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!»

Воротился старикъ ко старухѣ. Что жъ онъ видитъ? Высокій теремъ. На крыльцѣ сидитъ его старуха въ дорогой собольей душегрѣйкѣ. Парчевая на маковкѣ кичка, жемчуги окружили шею, на рукахъ золотые перстни, на ногахъ красные сапожки. Передъ нею усердные слуги. Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ. Говоритъ старикъ своей старухѣ: «Здравствуй, барыня-сударыня, дворянка! Чай, теперь твоя душенька довольна?» На него прикрикнула старуха, на конюшню служить его послала.

Вотъ недѣля, другая проходитъ, еще пуще старуха вздурилась: опять къ рыбкѣ старика посылаетъ. «Воротись, поклонися рыбка: не хочу быть столбовою дворянкой, а хочу быть вольною царицей». Испугался старикъ, взмолился: «Что ты, баба, белены объѣлась? Ни ступить, ни молвить не умѣешь, насмѣшишь ты цѣлое царство». Осердилась пуще старуха, по щекѣ ударила мужа. «Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною, — со мною, дворянкой столбовою? Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честию, не пойдешь, поведутъ по неволѣ». Старичокъ отправился къ морю: почернѣло синее море. Сталъ онъ кликать золотую рыбку. Приплыла къ нему рыбка, спросила: «Чего тебѣ надобно, старче?» Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ: «Смилуйся, государыня рыбка! опять моя старуха бунтуетъ;

ужь не хочет быть она дворянкой, хочет быть вольною царицей». Отвѣчаетъ золотая рыбка: «Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ: Добро! Будетъ старуха царицей!» Старичокъ къ старухѣ воротился. Что жъ? Передъ нимъ царскія палаты, въ палатахъ видитъ свою старуху: за столомъ сидитъ она царицей, служатъ ей бояре да дворяне, наливаютъ ей заморскія вина. Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ; вокругъ стоитъ ея грозная стража, на плечахъ топорники держатъ. Какъ увидѣлъ старикъ, испугался; въ ноги онъ старухѣ поклонился, молвилъ: «Здравствуй, грозная царица! Ну, теперь твоя душенька довольна?» На него старуха не взглянула, лишь съ очей прогнать его велѣла.

Вотъ недѣля, другая проходитъ, еще пуще старуха вздурилась:

царедворцевъ за мужемъ посылаетъ. Отыскали старика, привели къ ней. Говоритъ старику старуха: «Воротись, поклонися рыбкѣ: не хочу быть вольною царицей, хочу быть владычицей морскою, чтобы жить мнѣ въ окіянь-морѣ, чтобы служила мнѣ рыбка золотая и была бъ у меня на посылкахъ». Старикъ не осмѣлился перечить. Не дерзнулъ поперекъ слова молвить. Вотъ идетъ онъ къ синему морю; видитъ: на морѣ черная буря—такъ и вздулись сердитыя волны, такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ. Сталь онъ кликать золотую рыбку. Приплыла къ нему рыбка, спросила: «Чего тебѣ надобно, старче!» Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ: «Смилуйся, госуда-

рыня рыбка! что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой? Ужь не хочетъ быть она царицей, хочетъ быть владычицей морскою, чтобы жить ей въ окіянь-морѣ, чтобы ты сама ей служила и была бы у ней на посылкахъ». Ничего не сказала рыбка, лишь хвостомъ по водѣ плеснула и ушла въ глубокое море.

Долго у моря ждалъ онъ отвѣта, не дождался, къ старухѣ воротился—глядь: опять передъ нимъ землянка, на порогѣ сидитъ его старуха, а передъ нею разбитое корыто.

О ПРАВОПИСАНИИ.

Гласныя буквы: а, о, у, ё, е, э, ё, ю, я, и, ѳ, и.

Полугласная буква—й.

Согласныя буквы: б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ, ѳ.

Слова односложныя: садъ, столъ, страхъ, край, змѣй.

Слова двусложныя: у-хо, со-ха, ут-ка, пти-ца, горь-кій.

Слова трехсложныя: и-гол-ка, из-буш-ка, плот-ни-ки.

Слова многосложныя: ру-ка-ви-ца, то-по-ри-ще, по-до-си-но-ви-ки.

Правило 1-е. Переносить изъ строки въ строку можно только цѣлый слогъ.

Правило 2-е. При началѣ письма и послѣ точки пишется большая буква.

Правило 3-е *). Если на концѣ слова согласная буква выговаривается твердо, то послѣ нея пишется ъ, а если мягко, то ѣ. Напримѣръ: уголъ, уголѣ.

Уголъ. Уголѣ. Конъ. Конѣ. Братъ. Братѣ. Колъ.

Солъ. Соръ. Коръ. Кулъ. Кумъ. Молъ. Пылъ. Тваръ.

Клинъ. Тѣнѣ. Певъ. Девъ. Бранъ. Дранъ. Шалъ.

Сталъ. Звѣръ. Станъ. Кинъ. Дунъ. Тронъ. Плонъ.

Правило 4-е. Въ серединѣ слова между двумя согласными буквами ѣ ставится тогда, когда первую согласную слѣдуетъ выговаривать мягко. Напримѣръ: лѣвы, тѣма.

*) Прежде всего учитель прочитываетъ съ учениками весь урокъ, выясняя правило. Отъ ученика требуется, чтобы онъ сумѣлъ опредѣлить (объяснить) каждую букву, напечатанную здѣсь крупнымъ шрифтомъ. Рекомендуемъ требовать яснаго, точнаго устнаго отвѣта, напримѣръ: „Въ словѣ уюла на концѣ поставленъ ѣ, потому что послѣдняя согласная буква выговаривается твердо“. Послѣ этого учитель или даетъ списывать съ книги, или диктуетъ, или же, наконецъ, заставляеть учениковъ самихъ придумать слова. Исправлять ошибки советуемъ (послѣ диктовки или списыванья) поручать самимъ ученикамъ: ученики мѣняются тетрадями и по книгѣ исправляютъ вѣрно написанныя слова. Всѣ найденныя ошибки также должны быть объяснены учителемъ передъ всѣмъ классомъ.

Львы. Льды. Тьма. Льны. Кольца. Деньги. Свадьба. Вѣдьма. Синька. Пенька. Бѣльмо. Кульки. Крыльцо. Серьги. Пальто. Коньки. Рѣдька. Люлька. Шпилька. Мальчикъ. Мельница.

Правило 5-е. Въ серединѣ слова между согласной и гласной **ъ** или **ь** ставится тогда, когда согласную букву не слѣдуетъ сливать съ слѣдующей за ней гласной. Напримѣръ: плат**ь**е, объ**я**вка.

Плат**ь**е. Брат**ь**я. Л**ь**ю. П**ь**ю. Ш**ь**ю. Б**ь**ю. В**ь**ю. Объ**я**вка. Объясненіе. Из**ъ**янь. Пит**ь**е. Руч**ь**и. Колос**ь**я. Крыл**ь**я. Лист**ь**я. Мар**ь**я. Дар**ь**я. Кумов**ь**я. Сват**ь**я. Воскресен**ь**е. Под**ъ**здъ. Об**ъ**емъ. Дерев**ь**я. Солов**ь**и.

Правило 6-е. Буква **і** пишется передъ всѣми гласными буквами, а также передъ полугласной **й**. Напримѣръ: пр**і**ютъ, син**і**й.

Лар**і**онъ. Мар**і**я. П**і**н**і**е. Христ**і**ане. Лин**і**я. Син**і**й. Терп**і**н**і**е. Пр**і**ютъ. Пр**і**ѣхаль. Молн**і**я. Дик**і**й. Пр**і**ятель. Васил**і**й. Чтен**і**е. Крѣп**і**й. Лид**і**я. Суд**і**я. Растен**і**е. Учен**і**е. Іоан**н**ъ. Іона.

Правило 7-е. Послѣ **ж, ч, ш, щ** буквы **ы, я, ю** не пишутся, пишутся буквы **и, а, у**. Напримѣръ: жир**ь**, щук**а**, чай.

1. Жир**ь**. Жит**о**. Гужи. Шина. Уши. Чи**ж**ъ. Лучина. Щи. Трещина. Леши. Жила. Вышиванье. Вещи. Клещи. Ежи. Жимолость. Ерши. Животное. Жика. Лыжи. Машина. Рыжикъ. Груши. Мыши. Жизнь. Мужики.

2. Щук**а**. Чурка. Чулокъ. Чушой. Уч**у**. Суч**у**. Ноч**ю**. Скач**у**. Шумъ. Шуба. Жукъ. Ищ**у**. Чуд**о**. Чугунъ. Чувство. Чума. Чутье. Чуланъ. Шугъ. Ч**ю**. Шуч**у**. Дрож**у**. Жучка. Ж**ю**.

3. Чай. Часъ. Тѣща. Роща. Яша. Шаръ. Чанъ. Мочала. Шапка. Кляча. Жар**ю**. Свѣча. Тысяча. Чаша. Кушакъ. Кушанье. Мѣщане. Чадно. Жарко. Чаша. Крыша. Лужа. Счастье.

Правило 8-е. Звуки **б—п, з—с, д—т, ж—ш, в—ф, г—к—х** часто бываютъ сомнительны, то-есть ихъ легко смѣшать другъ съ другомъ. Чтобы не сдѣлать ошибки при письмѣ слова съ сомнительнымъ согласнымъ звукомъ, слѣдуетъ слово измѣнить такъ, чтобы послѣ сомнительнаго звука стоялъ гласный звукъ. Напримѣръ: хлѣ**б**ъ—хлѣ**б**а; глазъ—глаз**а**; садъ—сад**ы**; ложка—ложечка; другъ—друг**а**.

1. Хлѣ**б**ъ. Дубъ. Снопъ. Лобъ. Бобъ. Голубъ. Глубъ. Зыбъ. Зубъ. Грибъ. Гробъ. Ухабъ. Прорубъ. Цѣпъ. Цѣпъ. Степь. Столбъ. Рыбка. Коробка. Бабка. Шляпка. Шубка. Пробка. Ступка. Скобка.

2. Глазъ. Возъ. Князь. Грязъ. Овѣсь. Волосъ. Трусъ. Покосъ. Тазъ. Носъ. Насосъ. Извозъ. Морозъ. Обозъ. Переносъ. Вязъ.

Глазки. Сказка. Замазка. Указка. Колоски. Бруски. Подвязки. Гусь. Русь. Спась. Здѣсь.

3. Садъ. Ротъ. Потъ. Скотъ. Тетрадъ. Комодъ. Холодъ. Градъ. Лошадь. Путь. Плотъ. Кнутъ. Дѣдъ. Обѣдъ. Огородъ. Ухватъ. Мѣдъ. Мѣдь. Лѣдъ. Сѣтъ. Клѣтъ. Плетъ. Зять. Пять. Нитки. Лодка. Лопатка. Рѣдка. Цвѣтки.

4. Ножъ. Ромъ. Емъ. Мышь. Плѣшь. Грошъ. Умъ. Гумъ. Карандашъ. Горшки. Книжка. Ломка. Вьюшка. Фуражка. Пряжка. Плотка. Ножка. Кукушка. Кружка. Подушка. Крошка. Снѣжки.

5. Бровь. Кровь. Левъ. Шарфъ. Клювъ. Штрафъ. Гнѣвъ. Хлѣвъ. Шовъ. Рукавъ. Шкафъ. Булавка. Буравчикъ. Подкова. Дѣвка. Кофта. Обновка. Травка. Свекровь. Золовка.

6. Плугъ. Ламъ. Мохъ. Флагъ. Снѣгъ. Крюкъ. Сапогъ. Уромъ. Утюгъ. Другъ. Служъ. Сумъ. Бомъ. Мягко. Шорохъ. Горохъ. Вѣнь. Ночлегъ. Пѣтухъ. Ногти. Когти. Легко. Момро.

Правило 9-е. Звукъ **о** часто слышится какъ **а**; звукъ **а** часто слышится какъ **е—и—я**. Чтобы не сдѣлать ошибки при письмѣ слова съ сомнительнымъ гласнымъ звукомъ, слѣдуетъ слово измѣнить такъ, чтобы надъ сомнительнымъ гласнымъ звукомъ стояло удареніе. Напримѣръ: столы—столь; шары—шаръ; прямой—прѣмо; кривой—крѣво; десятокъ—дѣсѣть.

1. Столы. Нора. Гора. Сапоги. Поля. Коза. Коса. Платки. Носки. Рукава. Голова. Дрова. Шкафы. Старуха. Старикъ. Борода. Полоса. Борона. Голубки. Трѣва. Волоски. Колокола.

2. Шары. Жары. Часы. Лошади. Мѣсяць. Чахотка. Плетень. Пятно. Пятакъ. Стекло. Шаги. Частоколь. Серебро. Свѣтаеть. Святой. Десятокъ. Метла. Зима. Земляника. Черезсѣдельникъ. Трещѣтка. Кривой. Прямой.

Правило 10-е. Нельзя писать букву **ѣ**: а) когда этотъ звукъ при измѣненіи слова переходитъ въ **е**; б) когда онъ совсѣмъ выпадаетъ. Напримѣръ: ведро—вѣдра; отецъ—отцы.

1. Ведро. Село. Колесо. Озеро. Бревно. Ель. Слеза. Десна. Сестра. Зелень. Ребро. Весло. Зерно. Щека. Пчела. Перо. Ледникъ. Медокъ. Ежи. Тесина. Веду. Везу. Несу. Заведеніе. Селеніе. Гребень.

2. Отецъ. Кузнецъ. Купецъ. Конецъ. Пень. День. Лей. шей. Пей. Левъ. Корень. Молодецъ. Колечко. Ложечка. Рубецъ. Дятель. Глупецъ. Дурень. Парень. Овечка. Трутень. Пелѣнка. Умерь. Тереть. Среда. Череда.